

Федеральное агентство по образованию

В.Б. Кашкин

Сопоставительная лингвистика

Учебное пособие для вузов

Воронеж 2007

Утверждено Научно-методическим советом факультета РГФ от 6 февраля 2007 года, протокол №2

Научный редактор д-р филол. наук, проф. Ю.А. Рылов

Рецензент д-р филол. наук, проф. А.А. Кретов

Учебное пособие подготовлено на кафедре теории перевода и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета.

Рекомендовано для студентов 4 курса д/о и 5 курса в/о факультета романо-германской филологии.

Для специальностей: 031201 (022600) – теория и методика преподавания иностранных языков и культур и 031202 (022900) – перевод и переводоведение

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курс знакомит студентов с основными концепциями, терминологическим аппаратом, задачами и методами сопоставительной (контрастивной) лингвистики, ее современным состоянием. Некоторое внимание уделяется также истории изучения сходств и различий языков в транслятологическом, лингводидактическом и лингвокультурном аспекте.

Необходимость разработки курса лекций по сопоставительному языкознанию определяется задачами государственных образовательных стандартов для лингвистических специальностей 022600 (031201) «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур» и 022900 (031202) «Перевод и переводоведение». Сопоставительное языкознание является частью блока общепрофессиональных элективных дисциплин государственного стандарта и учебного плана, формирующих лингвиста как специалиста.

В рамках курса рассматриваются **основные проблемы**, связанные с историей сопоставительного изучения языков для преподавания и для перевода, с проблемами отдельных отраслей сопоставительной лингвистики (контрастивной грамматики и лексикологии, сопоставительной фонетики и фонологии, сопоставительного исследования дискурса, текста, коммуникации), с методологией сопоставительного языкоznания.

Основная дидактическая **цель** курса – доказать значимость сопоставительного языкоznания для общеориентированной подготовки лингвиста-преподавателя, лингвиста-переводчика и специалиста по межкультурной коммуникации, проследив связи теоретических концепций контрастивной лингвистики с практикой межкультурных контактов. Наряду с этим, курс нацелен также на демонстрацию возможностей сопоставительных методов исследования языков, что является особенно важным для студентов старших курсов в их самостоятельной научной работе и при проведении курсовых и дипломных исследований.

В результате изучения курса «Сопоставительная лингвистика» студент должен получить знание основных теорий в сопоставительном языкоznании, позволяющее формировать умения сознательно применять некоторые методы и приемы контрастивных исследований языков.

Курс предполагает формирование и совершенствование следующих **умений** у студентов:

- умение определять теоретическое направление проводимого сопоставительного исследования;
- умение применять адекватную терминологию и концептуальный аппарат в собственных исследованиях и научных текстах;
- умение использовать методы сопоставительной лингвистики в собственной научной работе.

В ходе **самостоятельной работы** студента предполагается развитие и совершенствование навыков реферативной работы с научной литературой. Дополнительные творческие задания (рефераты, доклады, выступле-

ния на коллоквиуме) должны способствовать формированию собственной научно-теоретической позиции будущего специалиста.

Структура курса включает лекции, организованные по проблемно-отраслевому принципу. Вслед за вводным разделом, рассматривающим основные направления сопоставительных исследований, следуют разделы, посвященные контрастивной фонетике, сопоставительной лексикологии и фразеологии, сопоставительной грамматике, сопоставительным исследованиям дискурса и текста. Особое внимание уделено универсальной грамматике и функциональной типологии. В завершающем разделе прослеживаются перспективы развития сопоставительных исследований.

Содержание лекций периодически пересматривается, в них вносятся дополнения по мере появления новых актуальных публикаций. Материал учебного пособия включает конспекты лекций, таблицы, контрольные вопросы и задания для самостоятельной проработки.

Списки литературы по темам включают работы как классиков языкоznания, так и авторитетных современных исследователей, занимающихся сопоставительной лингвистикой. Предлагаемые по каждой из тем списки окажут помощь студентам в написании курсовых и дипломных работ, в научных исследованиях соответствующей проблематики. В конце учебного пособия приведен также список основной и дополнительной литературы по курсу «Сопоставительная лингвистика». Этот список включает, в основном, издания, вышедшие за последние 10 лет и имеющиеся в фондах ЗНБ ВГУ, а также электронные тексты и базы данных для самостоятельного поиска. Рекомендованные пособия, хрестоматии, монографии и статьи позволяют студентам сопоставить различные точки зрения на изучаемый предмет, принять одну из них, либо выработать собственную позицию.

Текущий контроль осуществляется путем устного обсуждения или письменного тестирования – в аудитории, во время консультаций по ИРКП, либо на коллоквиуме – предложенных вопросов и материалов для самостоятельной работы (параллельных переводов). Студентам (по индивидуальному выбору) предлагаются также темы для реферативной работы (доклада, связанного с темой курсовой либо выпускной квалификационной работы по сопоставительной тематике) с последующим обсуждением на коллоквиуме либо во время консультаций.

Итоговый контроль предполагает проведение зачета в форме письменного теста или собеседования по затронутым в лекциях вопросам с привлечением студентами собственных материалов.

ТЕМА 1. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Сделаем несколько предварительных замечаний о терминах. Есть два термина, связанные со сравнением различных языков: *сравнительное языкознание* (компаративистика) и *сопоставительное языкознание* (контрастивистика). Сравнительное языкознание сравнивает родственные языки преимущественно в историческом ракурсе (общие корни, языко-праородитель, фонетические и прочие изменения и т.п.). Сопоставительное языкознание сравнивает языки вне зависимости от степени их родства, преимущественно в синхронном ракурсе.

1.1 Сопоставление языков в практической деятельности и в науке

Где же собственно происходит столкновение языков, так сказать, «в природе» человеческой деятельности? Кто сопоставляет языки?

Первые опыты сопоставления языков восходят к древности. И. П. Сусов, например, упоминает «лексические сопоставления шумерского и аккадского в Вавилонии, сопоставления хеттского и других языков хеттскими переводчиками, сопоставления санскрита с ведийским и практиками у Панини, опыты грамматических сопоставлений родных языков с латинским и древнегреческим учёными позднего Средневековья и Возрождения и т.д.».

Донаучным источником сопоставительного языкознания следует признать *бытовую лингвистику*. С давних пор человечество, в особенности толмачи (переводчики), первые преподаватели языков (например, трубадуры), путешественники, торговцы и т.п. «наивные» межкультурные коммуникаторы, делали и фиксировали на бумаге собственные наблюдения над различиями языков мира. К первым наблюдателям языковых контрастов, в каком-то смысле, можно отнести слова Максимилиана Волошина: «Изгнанники, скитальцы и поэты / закрыт нам путь проверенных орбит <...> чужих пространств зовут нас светы».

Собственно сопоставительные исследования «чужих пространств» языков (*контрастивные* либо *конфронтативные* – некоторые исследователи терминологически разводят и эти два понятия) появились во второй половине XX века. В. Н. Ярцева, трактуя все три понятия как синонимы, определяет цель контрастивной лингвистики как «сопоставительное изучение двух, реже нескольких языков для выявления их сходств и различий на всех уровнях языковой структуры».

Первым собственно научным источником контрастивистики явилось *сравнительное языкознание*, первоначально не разделявшееся по параметру родственности или неродственности.

Вторым источником сопоставительного языкознания явились *типологическая классификация языков*. А. В. фон Шлегель, создатель одной из первых классификаций, как пишет все тот же И. П. Сусов, «подразумевал под *vergleichende Grammatik*, фактически, сопоставительное языкознание».

Другим ответвлением типологической классификации в современном языкоznании является *лингвистическая типология* – «сравнительное изучение структурных и функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними».

Типологическое описание сравнительно небольшой группы языков, как правило родственных, принято называть *лингвистической характерологией* (термин выдающегося чешского лингвиста, основателя Пражского лингвистического кружка Вилема Матезиуса).

Глобальный же охват языков связан с исследованием такого фундаментального для человеческой интеллектуальной и коммуникативной деятельности явления, как *языковые универсалии* (универсалология). Универсалии – свойства, присущие всем языкам или большинству из них. Универсалии бытия и познания выделялись еще в средневековой философии, собственно языковые универсалии стали изучать в 40-50-е гг. XX столетия после появления работ Джозефа Гринберга и др.

Сравнение языков в области грамматики воодушевляло многих исследователей, стоявших на различных теоретических позициях. То, что мы теперь благодаря С. Д. Кацнельсону называем «универсальными и идиоэтническими компонентами» грамматических систем, или, проще говоря, сходства и различия между языками, интересовало В. фон Гумбольдта, Б. Л. Уорфа, Н. Хомского, Дж. Гринберга, Б. Комри, Х. Зайлера, Ю. С. Маслова, В. Г. Гака, В. Н. Ярцеву и многих других авторитетных языковедов как прошлого, так и современности. Становлению контрастивной лингвистики способствовали Р. Ладо, Ш. Балли, В. Скаличка, Э. Косериу, Р. Дж. Ди Пьетро, Ч. А. Фергюсон, Г. Никкель и др.

Однако все эти профессиональные лингвисты – не единственные люди, которым приходилось сталкиваться с тем, как различные языки интерпретируют нашу жизнь в окружающем мире. Проблема сопоставления разных языковых систем не ограничивается сферой научной компаративистики и контрастивистики, исследованием языковых союзов и универсалий, теорией перевода и преподавания иностранных языков, интересуя лишь лингвиста-профессионала (теоретического или прикладного). Сопоставление языков – весьма распространенная бытовая реальность.

В ситуации языкового контраста находятся в первую очередь «наивные пользователи языка». Как говорил русский композитор М. Глинка, музыку создает народ, композиторы только аранжируют ее. Точно так же обстоит дело и с языковыми контрастами. Столкновения языков происходят не на бумаге, на которой напечатаны научные статьи или учебники. Арендой этого столкновения является языковое сознание индивида, пытающегося либо понять, в самом ли деле «эти странные англичане и американцы» пользуются всеми двадцатью шестью глагольными формами, и когда именно и какую именно надо выбрать, – либо выбрать способ передачи желаемого смысла средствами другого языка. Наиболее яркий пример *бытовой контрастивистики* – межъязыковой перевод и изучение иностран-

ных языков. Таким образом, первичный исследователь, сопоставляющий языки, – это школьник, студент, переводчик и т.д.

Результаты бытового сопоставления языков выражаются в текстах переводов и в речевых произведениях на изучаемом языке, в том числе – и даже в первую очередь – в так называемых «ошибках». Они проявляются в стратегиях языкового поведения пользователя языка, в проявлениях того, что Людвиг Витгенштейн называл «молчаливым знанием», а также в личных представлениях, мифах и заблуждениях касательно сущности языка вообще, особенностей отдельных языков и их различий. С одной стороны, задача исследователя – помочь наивному пользователю в преодолении заблуждений, с другой – выяснить, каким образом заблуждение поможет самому исследователю понять нечто в процессе языковой деятельности в сфере языковых контрастов.

«Ошибки» наивного пользователя в современном языкоznании принято не порицать, а изучать. Известно, что развитие классической латыни в так называемую «вульгарную», «народную», а затем и в романские языки не было зафиксировано на письме. Этот процесс изучался косвенно, по ошибкам в «граффити», в настенных надписях соответствующего периода. Мишель Дебренн, исследовавшая французский язык в речевой практике русских, предлагает использовать термин «девиация» (отклонение от нормы) вместо «ошибка», обосновывая таким образом новое научное направление – *межъязыковую девиатологию*.

1.2 Языковые контрасты и отрасли сопоставительного языкоznания

Чаще всего сопоставительную лингвистику связывают с задачами практики перевода и преподавания иностранных языков. Отсчет истории развития контрастивистики ведется обычно от работы Р. Ладо (1957) «LINGUISTICS ACROSS CULTURES: APPLIED LINGUISTICS FOR LANGUAGE TEACHERS». Иногда термин «контрастивная» закрепляют за прикладной отраслью языкоznания, изучающей именно лингводидактический аспект языковых контрастов. Авторитетнейший американский лингвист Дуайт Болингджер так пишет о появлении контрастивных исследований: «Контрастная лингвистика родилась из опыта преподавания. Каждый преподаватель иностранного языка знает, а каждый изучающий иностранный язык скоро обнаруживает, что родной язык в определенных и предсказуемых случаях мешает усвоению второго языка». В стремлении понять законы, управляющие этими процессами, пересекаются теория языка и практика его преподавания. На это указывал и Р. Ди Пьетро в работе «LANGUAGE STRUCTURES IN CONTRAST» (1971). А Л. В. Щерба постоянно подчеркивал значимость сопоставления с чужим языком для того, чтобы лучше понять родной, например в знаменитой работе «ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ» (1947).

В последние годы в части лингвистических работ, связанных с технологией обучения и с сопоставительной лингвистикой, сформировалось направление, которое по-русски можно было бы назвать «ошибковедение»

(*error analysis*). Ни преподаватель, ни тем более лингвист-исследователь не должны относиться к ошибкам пренебрежительно, как к постороннему «шуму», неизбежному злу, от которого надо избавляться путем заклинания обучающегося тривиальными фразами типа «Не делай ошибок!» Преподаватель, к сожалению, далеко не факир, а ученик, к счастью, – не кобра. Ошибки – это симптом, но не болезни, а несовпадения двух сталкивающихся в сознании обучающегося языковых систем. Поэтому в этом случае можно говорить не столько об ошибках, сколько о *девиантном* (отклоняющемся) языковом поведении. Девиации в истории языков весьма часто приводят к системным сдвигам, а в истории развития отдельного индивида они неизбежны на пути к формированию *вторичной языковой личности* (говорящей на целевом языке, в идеале без девиаций).

Иначе говоря, исследователи этого направления изучают *интерференцию* языков в процессе их параллельного или попеременного использования в речи билингва (как естественного, так и искусственного). Интерференция наблюдается во всех случаях и весьма часто одного и того же рода, что говорит о системных, а не о чисто случайных факторах интерференции, связанных с «недоученностью», «недобросовестностью» ученика. В ситуации искусственного билингвизма мы имеем дело со столкновением двух различных языковых систем и созданием промежуточных, «консensualных» образований (примеры типа *У меня есть ручка → At me is pen**). Формирующаяся вторичная языковая личность пользуется неким промежуточным языком (*interlanguage*, как его назвал американский лингвист Д. Селинкер еще в 70-х годах XX века) со своими правилами – языка без правил (системных взаимозависимостей) быть не может, хотя с точки зрения как исходного, так и целевого языка «интерязык» неправилен.

Промежуточные межъязыковые образования чаще всего заимствуют как материал внутреннюю форму единицы одного языка и подчиняют его содержанию, функции, форме другого языка. Главное, что при этом следует отметить, это то, что языки в принципе являются закрытыми системами и не заимствуют ничего, что не могло бы быть выражено уже имеющимися в потенции средствами. Это позволяет говорить о том, что практически в любом языке мира можно найти способы отображения средств любого другого языка – если не в явной грамматике, то в грамматике *скрытой*, или, в другом смысле, *латентной*. Латентная грамматика в ходе истории развития языка может стать явной, например, появление аналитических форм во многих европейских языках «из того что было», то есть, из синтаксических, относительно «свободных» конструкций; генезис артикля из имеющегося в любом языке числительного типа «ОДИН» или указательного местоимения типа «ЭТОТ/ТОТ» и т.п. Принцип развития языка замкнут на наличествующий материал: «чем богаты, тем и рады».

Что касается собственно интерференции на индивидуальном уровне, обратимся к идеям исследователя из Алма-Аты А. Е. Карлинского, который предложил интересную теоретическую схему для подобных взаимодействий языков. В его работе приводится подробнейшее исчисление ти-

пов *интерференции* (отклонения в речи билингва на целевом языке, происходящие под влиянием родного) и *интеркаляции* (наоборот, в речи на родном языке под влиянием иностранного). Предыдущий пример (*У меня есть ручка → At me is pen**) – явная грамматическая интерференция. Пример интеркаляции: в речи немца с русскими вкраплениями: *[in texnigum hot zi net postub'ila, aene dvojka hot zi bolutšat... Aene zadatše konte zi net rešaje un aen brimer]*. Пример синтагматической интерференции: *He writes his mother a letter** вместо *He is writing a letter to his mother*; лексической (здесь задействован «ложный друг» переводчика): *Pourquoi vous touchez?* С немецкой стороны – интеркаляция, с русской – интерференция: *Bring die банка mit варенье von der полка im чулан* (пример Л. В. Щербы). Брайтоновский «англорус»: *Мы [čenživali] в Нью-Йорке, Она пошла [klinovat' v'indos]*. Помимо «англоруса» есть еще и *Franglais* и т.п. промежуточные языки-консенсусы, к которым также применим термин Селинкера.

Аналогичные процессы происходят в портовых койне, пиджинах и креольских языках. Вот пример из *Chinese Pidgin*: *doksaid* «at the dock (docks)», *maisaid* «at my house» и т.п. Интересная аналогия и с «детскими» промежуточными языками («не до конца развившимися» взрослыми). Вот пример из детского английского: *allgone sticky* = «after having washed my hands», *allgone ouiside* = «after the door closed» (примеры Дэна Слобина) со вспомогательным элементом *allgone*. Здесь мы наблюдаем процессы, подобные генезису вспомогательных глаголов и других вспомогательных элементов аналитических образований в истории развития многих «взрослых» языков (первый пример – аналитический перфект, второй – аналитический локатив с перфектным значением).

Получается, что сферы столкновения языков (назовем это *ситуациями языковых контрастов*) не ограничиваются переводом и преподаванием. В таблице 1-1 представлены возможные сферы исследования последствий такого столкновения. Эта таблица получилась из признания того факта, что языков как таковых «не существует», существуют индивиды, владеющие этими языками и объединяющиеся в группы по сходству индивидуальных (*i*) и социальных (*s*) языков. В таблице также учтены «динамические контрасты» – разные, контрастирующие исторические состояния системы индивидуального или социального языка, исторические сдвиги. Общая ситуация столкновения разных систем категоризации действительности (языков) позволяет взаимно экстраполировать (переносить в разумных пределах) результаты и выводы, получаемые в исследованиях разных сфер языковых контрастов.

Отрасли сопоставительного языкознания условно связывают с системным уровнем, на котором производится сопоставление:

- ✗ сопоставительная грамматика (наиболее развитая отрасль контрастивистики, ср. В. Н. Ярцева, В. Д. Аракин, В. Г. Гак, В. Г. Адмони из воронежских лингвистов – В. Б. Кашкин)
- ✗ сопоставительная лексикология (В. Г. Гак, в Воронеже – И. А. Стернин, М. А. Стернина, Ю. А. Рылов, Л. В. Лаенко)

- ✗ сопоставительная фонология (сравнительно мало работ, ср. Р. О. Якобсон, М. Халле, в Воронеже – Л. В. Величкова)
- ✗ сопоставительные исследования дискурса и текста (в большей степени представлены работы о функционировании грамматических явлений в тексте, работы же по сопоставительному дискурсоведению только начинают появляться, ср. З. Я. Тураева, В. Я. Мыркин, в Воронеже – Л. В. Цурикова, Л. И. Гришаева, В. Б. Кашкин).

ТАБЛИЦА 1-1.

Основные сферы языковых контрастов

	Внутриязыковые контрасты				Межъязыковые контрасты	
контактные контрасты	<i>ie</i>	<i>se</i>	<i>ise</i>	<i>isd</i>	<i>id</i>	<i>sd</i>
динамические контрасты	<i>ie'</i>	<i>se'</i>	<i>ise'</i>	<i>sie'</i>	<i>isd'</i>	<i>sid'</i>

1. *ie* ($i_n \leftrightarrow i_n$) – моноязычная коммуникация: «подстройка» под язык собеседника;
2. *se* ($s_n \leftrightarrow s_n$) – диалекты и социолекты: настройка на общее межъязыковое койне;
3. *id* ($i_n \leftrightarrow i_m$) – коммуникация на неродном языке: «ошибки», девиации в иноязычной речи, взаимная интерференция родного и иностранного языка;
4. *sd* ($s_n \leftrightarrow s_m$) – процесс межъязыкового перевода;
5. *ise* ($i_n \leftrightarrow s_m / i_m \leftrightarrow s_n$) – творчество на литературном (кодифицированном) языке и его интерпретация;
6. *isd* ($i_n \leftrightarrow s_m$) – продуцирование и понимание иноязычных текстов;
7. *ie'* ($i_n \rightarrow i_n$) – саморазвитие языковой личности;
8. *se'* ($s_n \rightarrow s'_n$) – саморазвитие языка социума: исторические изменения в системе языка;
9. *id'* ($i_n \rightarrow (i_m \rightarrow i'_m)$) – «макаронизация» речи вследствие билингвизма или контактов;
10. *sd'* ($s_n \rightarrow (s_m \rightarrow s'_m)$) – пиджинизация, креолизация и т.п.: сдвиг двух языков в сторону общего pragматического кода;
11. *ise'* ($i_n \rightarrow (s_n \rightarrow s'_n)$) – создание литературного (общего, кодифицированного) языка через вклад индивида (наиболее яркий пример – Данте Алигьери);
12. *sie'* ($s_n \rightarrow (i_n \rightarrow i'_n)$) – освоение родного литературного языка: сдвиг индивидуальной нормы в сторону общепринятого кода;
13. *isd'* ($i_n \rightarrow (s_m \rightarrow s'_m)$) – заимствование: из индивидуальных лингвистических фактов – в общепринятую норму;
14. *sid'* ($s_n \rightarrow (i_m \rightarrow i'_m)$) – освоение индивидом второго (иностранных) языка.

1.3 Методы сопоставительной лингвистики

Каким образом можно сопоставлять языки? Что именно мы сопоставляем, сопоставляя различные языки? Какова единица сопоставления?

Сопоставительная (контрастивная) лингвистика ставит своей общей целью сопоставление языков в целом, включая все языковые уровни – фонологический, морфологический, синтаксический, семантический. Один из сопоставляемых языков иногда называют *языком-эталоном* (или, как в переведоведении, исходным языком, *source language*). Обычно таковым становится родной для исследователя (и возможного разработчика прикладных применений результатов исследования) язык. С ним сопоставляется некий (изучаемый и т.п.) иностранный язык (язык-цель, *target language*, *Zielsprache*). Выделяются сходства и, главным образом, различия сопоставляемых языков. Сопоставление может осуществляться и в направлении от иностранного языка к родному. Иногда моделируется некий гипотетический промежуточный язык (язык-посредник), который и квалифицируется как язык-эталон. В такой модели перечисляются общие для двух языков признаки, а для каждого конкретного языка указывается, какие из признаков языка-эталона ему присущи. Такая модель может считаться первым приближением к теоретически постулируемому универсальному общечеловеческому языку.

Возможны сопоставления трёх языков. Так, например, как указывает В. Н. Ярцева, при обучении английскому языку в условиях башкирской школы будут уместны указания на сходства и различия башкирского, русского и английского языков. Возможны и сопоставления большего количества языков, вытекающие из потребностей построения общей теории языка, языковых контрастов, перевода и межкультурной коммуникации. *Универсальный язык*, принимаемый за эталон в этом случае, является научным конструктом, «не существующим в природе» отдельно, но отражающим существенные свойства всех языков или, иначе говоря, потенциально возможные свойства любого языка. Такой язык, по сути, является исчислением возможностей человеческого языка, а исследование конкретноязыкового материала при опоре на этот конструкт выявляет как то, что уже реализовано в системе конкретного языка (центр, в терминологии пражской школы), так и зародыши возможного будущего развития (периферия).

Наиболее эффективным способом сопоставительного изучения языков следует признать *анализ параллельных текстов*. Исследование высказываний с аналогичным содержанием восходит к сопоставлению канонических библейских текстов и их переводов на вернакулярные языки (известные под именем *harmonia linguarum*). В знаменитом «Митридате» Конрада Геснера (1555) были собраны тексты «Отче наш» на 25 языках. Традиция эта – как метод – была продолжена и в современной лингвистике (Х. Вебер, В. Г. Адмони, М. Вандрушка и его школа, В. Б. Кашкин и др.).

Можно выделить два основных направления исследования параллельных текстов: эксперимент и наблюдение. В случае экспериментального

исследования информанты порождают параллельные тексты как реакцию на одинаковые исходные ситуативные стимулы. Такие стимулы могут моделироваться в высказываниях, предназначенных для перевода (как, например, в исследованиях О. Н. Селиверстовой и др.), либо в описании ситуации, либо визуально, предъявлением, например картинки и т.п. разноязычным информантам.

Чаще всего порожденные в ситуативном моделировании тексты – это варианты перевода (интерпретации) исходного ситуативного стимула на один и тот же язык. Они встречаются также и в реальности языковой деятельности и литературного творчества. Примером могут служить тексты четырех Евангелий, в которых от имени Матфея, Марка, Луки и Иоанна излагаются одни и те же события. Пересказы, пародии, переработки известных текстов (в том числе и интерсемиотический перевод, например, литературного текста на язык кино – ср. работы У.Эко) – это также варианты реинтерпретации исходной ситуации другими языковыми средствами. Если задача исследователя – изучить вариативность не только в отдельном языке, но и в переводе, то экспериментальный метод также может дать значительные преимущества. Этот метод можно использовать и в сопоставлении переводов на разные языки.

Метод наблюдения, анализа уже имеющихся переводов, а не специально полученных в ходе исследования можно назвать естественным лингвистическим экспериментом, поставленным самой практикой языковой деятельности (перевода). Материалом служат доступные переводы одного и того же текста на один или несколько языков либо варианты перевода этого текста на один язык, сделанные разными переводчиками.

Возможны два пути подбора материала параллельных переводов. Можно использовать переводы с одного из сопоставляемых языков на другой, и наоборот. В этом случае сопоставление всегда односторонне; даже если используется несколько пар языков, в результате получается простая сумма отдельных двуязычных сопоставлений. Такое исследование не исключает интерферирующего влияния языка оригинала, т.е. такого явления, когда языковые единицы и структуры исходного языка вызывают употребление аналогичных единиц и структур переводного языка. Но можно использовать и переводы на сопоставляемые языки с языка, не являющегося специальным объектом исследования. При этом желательно, чтобы исходный язык был типологически несходен с исследуемыми так, чтобы рассматриваемые языковые явления не имели отражения в явной грамматике исходного языка. Такой прием исключает интерференцию или сводит ее к минимуму, повышает «чистоту эксперимента».

Можно развивать эту работу и далее, распространив ее на следующем этапе и на исходный язык (временно «взятый в скобки»). Такой путь позволит выявлять категории скрытой грамматики исходного языка, соотнести их с категориями явной грамматики сопоставляемых языков, а также с универсальными семантическими категориями, с универсальными смысловыми зонами, универсальным инвентарем грамматических смыслов.

Повторяющиеся соответствия либо закономерно повторяющиеся несоответствия параллельных переводов позволяют делать выводы о членении универсальных смысловых зон формальными средствами конкретного языка. Можно сказать, что метод параллельных переводов – наиболее экономный метод сопоставления языков.

Выборка из параллельного текстового корпуса должна отвечать критериям количественной и качественной достаточности. Под качественной достаточностью понимается охват разнообразных средств передачи интересующего явления. Качественная достаточность отдельного высказывания в корпусе связана с обширностью контекста, в котором встретилось интересующее исследователя явление. При автоматизированном подборе можно задавать длину правого и левого контекста, требуемую задачами исследования.

Комбинаторная группировка полученного материала выделяет группы по представленности в разноязычных переводах разных грамматических, лексических и др. явлений, например, *группа 1*: во всех переводах явление *x*; *группа 2*: во всех переводах – *x*, в языке *A* – *y*; *группа 3*: во всех – *x*, в языках *A* и *B* – *y* и т.д. Количество групп для двух наблюдаемых явлений будет определяться в соответствии с формулой 2^n , где *n* – количество сопоставляемых языков. Количественное сопоставление групп уже позволяет предварительно определить представленность исследуемого явления в сопоставляемых языках.

Содержательная группировка в первую очередь выделяет группу межъязыкового инварианта (*группа 1*: во всех сопоставляемых переводах имеется явление *x*), являющегося своеобразной точкой отсчета для определения центральной функциональной зоны исследуемого явления.

Следующий шаг – группировка по контекстуальным компонентам. Эта процедура позволяет определить центральную и периферийную функциональные зоны явления *x*, типы контекстов, ограничений на употребление и т.д. На этапе контекстуального анализа устанавливаются типы грамматико-контекстуальных комплексов, функциональные и ситуативные типы, связанные с данным лингвистическим континуумом, и средства их конкретно-языковой реализации.

При использовании метода параллельных переводов возникает ряд проблем, решение которых влияет на результат исследования.

1. *Проблема материала и степени адекватности сопоставляемых переводов*, т.е. степени, в которой параллельные тексты, отобранные в качестве корпуса, действительно являются реакциями на одинаковые ситуативные стимулы. Здесь можно указать два отрицательных фактора: проблемы в компетенции переводчика и изменение им точки зрения на ситуацию, по сравнению с исходной точкой зрения автора высказывания. Переводы с измененной точкой зрения на ситуацию, впрочем, нечасты и могут не приниматься во внимание, если задачи исследования связаны, например, с лексическими или грамматическими параллелями. Что же касается компетенции переводчиков, то оценивать ее исследователю – значит вносить

еще один субъективный момент. В переводоведении, однако, оценка «работы» переводчика нередко становится во главу угла, и тогда «отклонения» служат основным материалом исследования.

2. Проблема репрезентативности корпуса в качественном аспекте. Как правило, переводы достаточно консервативны: в большей степени стремятся к использованию центральных явлений, в меньшей степени в них можно встретить явления периферийные, тем более, потенциальные, рождающиеся. Вследствие этого ускользает динамический аспект языковой деятельности. Проблема может быть устранена, если в соответствии с принципом дополнительности использовать двойной корпус, т.е. помимо параллельных текстов привлекать и оригинальные, непереводные материалы, отобранные по установленным критериям. Допустим и «челночный метод» с использованием ряда корпусов (ср. подход А. Белла).

3. Проблема репрезентативности в количественном аспекте. Принципы отбора корпуса могут варьироваться в зависимости от целей и объектов исследования, однако в любом случае использование двухступенчатого корпуса или челночного метода существенно сокращает объем работы. Второй корпус выбирается уже с учетом общей картины, целенаправленно: в него включаются также и высказывания, содержащие явления, так или иначе противоречащие выявленной на первой ступени картине или существенно дополняющие ее. Двухступенчатость позволяет исследовать явления периферийные, низкочастотные достаточно экономным способом.

4. Проблема количества сопоставляемых языков. Для исследований по универсальной грамматике и функциональной типологии существенным является привлечение материала возможно большего числа языков, что ставит вопрос об осуществимости такого исследования вообще. С одной стороны, определенное облегчение могла бы дать компьютерная обработка материала, в особенности на этапе отбора корпуса, индексации и группировки. С другой стороны, желательно привлечение не столько большего количества языков, сколько языков – представителей того или иного типа. Однако осуществление последнего, наиболее оптимального варианта исследования, наталкивается на отсутствие универсального лингвистического банка данных, выраженного пусть даже не в машинной форме, а хотя бы в форме энциклопедического справочника. Существующие справочники подобного рода страдают неполнотой и противоречивостью принципов описания. Нередко типологически и даже генетически родственные явления в близкородственных языках в них описаны в разноречивых терминах, одни из которых свидетельствуют о признании автором наличия в исследуемом языке той или иной категории, другие же, употребляемые иным автором для описания параллельного явления в другом языке, говорят об отрицании данного явления; иногда данное явление вообще выпадает из поля зрения автора энциклопедического описания и т.п. Здесь оказывается один из наиболее существенных недостатков современной лингвистики – отсутствие единой таксономии (на что указывал еще Б. А. Успенский и многие другие исследователи лингвистической типоло-

гии). Однако создание такой таксономии уже предполагает наличие определенных знаний об универсалиях, т.е. мы имеем дело с парадоксом, отмеченным А. Беллом: оптимальный выбор языков или языковых объектов для исследования требует наличия как раз того знания, которое предполагается получить в результате исследования. В таком случае необходимо некоторое предварительное, ориентирующее исследование (*pilot study*).

Современные технологии привели к возможности исследования больших массивов текстов с помощью специальных поисковых программ. *Корпусная лингвистика* позволяет опираться на неизмеримо более обширную базу текстов. Уже сейчас широко известны и используются Британский национальный корпус (BNC, British National Corpus), Национальный корпус русского языка, корпусы текстов в ряде университетов (г. Уппсала в Швеции, г. Тюбинген в Германии, г. Лидс в Великобритании и др.). Воспользоваться в полной мере или (чаще) в демонстрационной версии «услугами» этих хранилищ текстов можно через Интернет.

Собираются и доступны во Всемирной сети и параллельные корпуса, хотя работа в этом направлении только начата, а имеющиеся корпуса параллельных текстов недостаточны (ср. Университет Лидс, корпус А. А. Кретова, переводы «Маленького принца» – пока – на 85 языков на сайте д-ра Р. Хеммеке и другие примеры).

Контрольные вопросы к теме 1

1. С какими сферами контраста языков и культур Вам уже приходилось сталкиваться?
2. Какие методы сопоставления текстов используются Вами в курсовой (дипломной) работе?
3. Каковы источники параллельных текстов? Проанализируйте Ваши возможности в создании собственного банка исследовательских данных.

Литература

- Величкова Л.В. Контрастивно-фонологический анализ и обучение иноязычному произношению / Л.В.Величкова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. – 200 с.*
- Гак В.Г. Сопоставительная лексикология / В.Г.Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.*
- Кашкин В. Б. Аналитические образования в прогностическом аспекте / В. Б. Кашкин // Проблемы лингвистической прогностики / Под ред. А.А.Кретова. – Вып. 3. – Воронеж: ЦЧКИ, 2004. – С. 95-102.*
- Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. – М.: Наука, 1987. – 240 с.*
- Сусов И.П. История языкознания / И.П.Сусов. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. – 295 [9] с.*
- Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика / В.Н.Ярцева. – М.: Наука, 1981. – 112 с.*

ТЕМА 2. КОНТРАСТИВНАЯ ГРАММАТИКА, ТИПОЛОГИЯ И ХАРАКТЕРОЛОГИЯ

2.1 Универсалии как основание для сравнения языков

В первом разделе мы выделили анализ параллельных текстов (параллельных переводов) как наиболее приемлемый метод сопоставительной лингвистики. Но что именно и с чем сравнивается в параллельных текстах? Где тот самый *tertium comparationis* («третье», основание для сравнения), о котором писали еще средневековые философы? Какова минимальная единица сопоставления языков? В теории языка и в практике перевода принято считать, что в конечном итоге сравниваются и переводятся ситуации, контексты и тексты, но фактически этот текстово-ситуативный континуум разбивается на отдельные дискретные шаги. Каждый шаг требует принятия – осознанно либо неосознанно – некоего переводческого решения. Каждый шаг – это процедура и результат выбора *одного* из «поля» возможных средств передачи смысла.

Что же будет единицей, относительно которой предстоит сделать выбор? Попробуем (как это делают «наивные» пользователи) просто сравнивать отдельные слова или отдельные грамматические формы слов сопоставляемых языков и текстов.

Таблица 2-1.

Таблица несовпадения плана содержания знаков разных языков

Русский	Английский	Французский	Немецкий	Датский
дерево	tree	arbre	Baum	træ
	wood	bois	Holz	
лес	timber		Wald	skov
		forêt		
	forest			

В свое время основатель глоссематики датский лингвист Луи Ельмслев приводил пример невозможности такого сопоставления. Вначале кажется, что все складывается гладко: рус. *дерево* = англ. *tree*; Смотри, вот *дерево* = Look, there is a tree. Но вот попадается текст: *Этот стол сделан из дерева*, – и результат такого поэлементного, «покирпичного» приравнивания будет достаточно далек от исходного смысла. В работах Ельмслева можно найти таблицу (см. наш вариант в Таблице 2-1) приравнивания близких лексем (точнее, их семантических потенциалов) в разных языках. Семантические потенциалы приравниваемых «по первому словарному значению» слов неодинаковы. Как указывает Ельмслев, «парадигма в одном языке и соответствующая парадигма в другом языке покрывают одну и ту же зону материала, который, будучи абстрагирован от этих языков,

представляет собой нерасчлененный аморфный континуум, на котором проложило границы формирующее действие языков».

Анна Вежбицка (Wierzbicka, иногда рус. *Вежбицкая*), автор ряда книг по сопоставительной семантике, пытается найти то, что иногда называют *Lingua Adamica* или *Lingua Mentalis* – первичный универсальный язык, первичные универсальные атомы смысла – «семантические примитивы». Семантические примитивы универсальны, их комбинации в разных языках идиоэтничны. Казалось бы, универсальное понятие, универсальный концепт не всегда интерпретируется одинаково в разных языках и культурах. Один из примеров различного членения континуума, различной интерпретации концепта – понятие дружбы, слово «друг». Вежбицка приводит примеры из английского, латинского, французского, итальянского, немецкого, родного для нее польского и русского языков: *friend*, *amicus*, *amī*, *amico*, *Freund*, *przyjaciel*, *друг*. Русский *друг* оказывается, по понятиям, гораздо ближе, чем английский *friend*. Вероятно, раньше и в англоязычной культуре *friend* был ближе (как замечает Умберто Эко, знаменитый итальянский семиолог, писатель и переводчик). Но теперь для перевода следует, во-первых, попытаться выстроить синонимический ряд (друг, приятель, товарищ...), а в дальнейшем понять, что и этого недостаточно, и прибегнуть не к универбу из семантического ряда, а к описанию. Как пишет А. Вежбицка: «Ни одно из этих русских слов не соответствует в точности какому бы то ни было из английских <...> *друг* можно сравнить с чем-то вроде *close friend*, подруга – с *girlfriend* (девушки или женщины, но не мужчины!), *приятель* – просто с *friend*, а *знакомый* – с *close acquaintance*, тогда как *товарищ* можно сравнить только с морфемой *-mate* (*classmates*) или же с именным определителем *fellow-* (*fellow-prisoners*).

Несмотря на различия, даже в этом случае выделим универсальный компонент семантики. По мнению Вежбицкой, если бы значения *всех* слов были культуроспецифичны, то вообще было бы невозможно исследовать культурные различия. «Гипотеза лингвистической относительности» имеет смысл только в сочетании с хорошо продуманной «гипотезой лингвистической универсальности»: по мнению польско-австралийской исследовательницы, только надежно установленные *языковые универсалии* могут дать солидную основу для сопоставления концептуальных систем, закрепленных в различных языках, и для объяснения значений, закодированных в одних языках и не закодированных в других.

Исследование универсальных смыслов исходит из того, что а) у всех языков есть *общее ядро*; б) это общее ядро является *врожденным*, сформированным доязыковой «готовностью к значению». Естественный семантический метаязык Вежбицкой (*Lingua mentalis*) включает следующие элементы: *я*, *ты*, *некто*, *нечто/вещь*, *этот*, *другой*, *один*, *два*, *много*, *хороший*, *плохой*, *думать*, *видеть*, *сказать*, *правда*, *иметь*, *потому что*, *сейчас*, *после*, *здесь* и др. Как видим, первичные элементы Вежбицкой также включают коммуникативные прототипические роли (я-ты-нечто),protoартикли, логические операторы и т.п.

Особенности категоризации мира различными языками интересуют лингвистику (в частности, когнитивную семантику) давно. Одним из современных авторов-когнитивистов, чьи книги издаются широкими тиражами на разных языках, является американский лингвист Джордж Лейкофф (Lakoff, рус. чаще *Лакофф*). Его интересуют универсальное и культурно-специфическое в метафорических и метонимических моделях, прототипах и категоризации. В знаменитой книге «Женщины, огонь и опасные вещи» он сравнивает системы классификаторов разных языков, в частности языка аборигенов Австралии дьирбал:

- **bayi**: *мужчины, кенгуру, опоссумы, летучие мыши, большая часть змей, рыб, насекомых, некоторые птицы, луна, грозы, радуги, бумеранги*;
- **balan**: *женщины, бандикуты (сумчатые барсуки), собаки, утконосы, ехидна, большая часть птиц, некоторые змеи и рыбы, скорпионы, волосатый червь, все связанное с водой или огнем, солнцем и звездами*;
- **balam**: *все съедобные фрукты и растения, клубни, папоротники, мед, сигареты, вино, лепешки*;
- **bala**: *части тела, мясо, пчелы, ветер, большая часть деревьев, трава, грязь, камни, звуки, язык*.

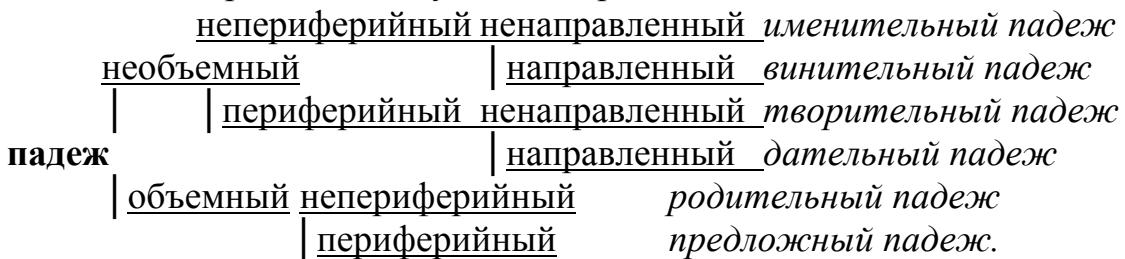
Картина мира, рисуемая языком дьирбал, отличается от нашей и не до конца понятна нам. Вот каково базовое значение вышеприведенных классификаторов: **bayi** – человеческие существа мужского пола, **balan** – человеческие существа женского пола, **balam** – съедобные растения, **bala** – все остальное. Включение иных имен в классы объясняется смежностью сферы человеческого опыта, в том числе мифов (рыба → рыболовные снасти → класс 1; сверчки → старые женщины → класс 2, луна и солнце = муж и жена, вывод можете сделать сами; солнце → огонь → спички, опять же вывод, объясняющий заглавие книги, сделайте сами).

Выявление универсалий в области грамматики и лексики – достаточно известная сфера лингвистических достижений XX века (и ранее, начиная с категорий Аристотеля и идеи средневековых философов-модистов). Но возможны универсалии и в области фонологии. Все тот же Л.Ельмслев говорил об универсальном фонетико-физиологическом континууме, предопределенном строением речевого аппарата человеческого тела. Языки вычленяют в этом континууме возможностей фонемы по степени открытости, закрытости, участия голоса и т.п.

Р. О. Якобсон, долгое время занимавшийся теоретической и экспериментальной фонетикой совместно со своими учениками и последователями М.Фантом и Г.Халле, применил свою концепцию бинарности (двойственных, двусторонних, биполярных отношений) к фонологии. Установленные и подтвержденные ими экспериментально универсалии в области фонологии опираются на следующее: а) во всех языках мира имеется определенный ограниченный набор дифференциальных признаков; б) при исследовании конкретных языков каждая фонема определяется набором дифференциальных признаков из числа заданных 12 пар: 1) вокаль-

ность/невокальность; 2) консонантность/неконсонантность; 3) прерывность/непрерывность; 4) абруптивность/неабруптивность и т.д.

Идея бинарности применена Якобсоном и к исследованию грамматических систем, в частности, системы падежей в русском языке. Им были выявлены следующие универсальные смыслы: 1) объемность/необъемность (предел участия предмета в действии); 2) периферийность/непериферийность (побочная роль в высказывании); 3) направленность/ненаправленность (действия). В соответствии с этим модель системы русских падежей строилась следующим образом:

Другая система универсальных падежей была предложена Чарльзом Филлмором. В этой системе универсальные падежные роли сопоставлены с ролями, исполняемыми участниками коммуникативного взаимодействия. «Глубинные падежи» отражают отношения между аргументами и предикатами в предложении. Предложение для Филлмора подобно сцене в пьесе, а падежи – ролевые типы, не зависящие от конкретного языка. Центр предложения – предикат (глагол), это сближает взгляды Филлмора со сторонниками теории вербочентризма и теории валентности (Л. Теньер, Л. С. Выготский, С. Д. Кацнельсон). Так, в предложении *Человек расщепляет скалу клином* трехместный (трехвалентный, трехактантный) глагол-предикат *расщепляет* имеет три аргумента (актанта): агенс *человек*, пациент *скалу* и инструменталис *клином*.

2.2 Единицы анализа в сопоставительной грамматике

Слово либо его грамматическую форму обычно наивные пользователи, да и не только они, воспринимают как «кубик», элемент словаря и грамматической системы; из кубиков «составляют» высказывания. «Правила» данного языка определяют использование этой формы, а «правила» перевода определяют способы перекодирования. Кубики одного цвета заменяются кубиками другого цвета. Это наивное представление кажется вполне очевидным, пока мы описываем уже-написанные и уже-переведенные тексты – препарируем языковые ‘трупы’.

Однако перейдем от точки зрения лингвиста к точке зрения производителя еще-не-написанного и еще-не-переведенного текста. Это, фактически, и есть позиция, в которой находится *реальный* пользователь языка. Если мы попытаемся установить, как именно производится грамматический выбор, то увидим, что форма никогда не проявляет себя как «кубик» или как дискретная точка во времени, а скорее как процесс или результат *процесса выбора*, произнесения, интерпретации. Видимо, адекватнее говорить не о грамматической форме, а о *грамматическом действии* (как части

языковых, коммуникативных действий в целом), которое управляет комплексом различных *факторов грамматического выбора*. Эти факторы имеют различные степени влияния и приоритетности.

Кроме того, установление эквивалентности типа ФОРМА::ФОРМА сталкивается с асимметрией членения формального и функционального репертуара языков.

Например, одной единице языка-оригинала в переводе может соответствовать две и более, и наоборот (русс. *писал/написал* :: англ. *wrote/was writing/has written/has been writing/had written/had been writing* :: *schrieb/hat geschrieben/hatte geschrieben* :: франц. *écrivait/écrit/a écrit/avait écrit/eu écrit* :: испанск. *escribía/escribí/ha escrito/había escrito/hubo escrito* :: итал. *scriveva/scrissé/ha scritto/aveva scritto* и т.п.). Если даже и найдутся две формально подобные формы, то их функциональный потенциал будет – иногда достаточно сильно (ср. англ. *has written* и франц. *a écrit*) – различаться. Нам не удастся изобразить соотношения семантических потенциалов форм прошедшего в данных языках, как это было сделано (впрочем, достаточно условно и приблизительно) для слов «дерево» и «лес» в Таблице 2-1. Двумерности таблицы не хватит, чтобы изобразить возможные соответствия. Например, *has lived* может соответствовать как *жил*, так и *прожил*, так даже и *живет*.

Подобные друг другу функции подобных форм разных языков также необязательно выражаются теми же самыми формами во всех случаях. Например, у английского перфекта есть так называемая инклузивная функция, которой нет у перфектов в других языках: англ. *You have known for a long time* // немецк. *Sie wissen ja selber längst* / франц. *vous le savez vous-même* / испанск. *sabe Usted* / итал. *lo sapete anche voi* // русск. *Сами давно знаете, что надо делать* (Ф.М.Достоевский). Инклузивный перфект описывает действие, которое, начавшись в прошлом, захватывает и настоящий момент. В других переводах это передается настоящим временем.

Таким образом, получается, что языки на уровне отдельно взятых форм *несопоставимы*: во-первых, форма является не точкой во времени, а многофакторным грамматическим действием с возможностью неоднозначного выбора. Во-вторых, имеются языки, в которых отсутствуют формы, подобные исходным. В-третьих, даже между языками, имеющими подобные параллели, нет полной корреляции потенциалов функционирования подобных форм.

Французский лингвист начала XX столетия Анри Делакруа писал, что грамматическая форма гипнотизирует лингвиста, последний же, под влиянием «лингвистического реализма», полагает, что одна форма выражает всегда одну и ту же форму мысли, без учета изменений в языке и разности языков. В то же время одной из важнейших черт языка является как раз диспаритет, отсутствие изоморфизма, одно-однозначного соответствия между формой и функцией. Вспомните известный уже из курса истории языкоznания принцип асимметричного дуализма С. О. Карцевского, он прослеживается и в межъязыковых контрастах.

А. Делакруа отмечает парадоксальность формы. С одной стороны, как общие, универсальные грамматические категории, так и специфически-языковые проявляются *только через формы*. С другой же, формы *относительны* по языкам и по историческим периодам. Кроме того, формы характеризуются разнообразием употребления формы как единства: функция переполняет (*déborde*) форму, а интенция (намерение) переполняет категорию. То есть, фактически, мы всегда хотим сказать больше, чем на самом деле говорим, чем позволяют нам имеющиеся возможности выбора, проложенные уже предыдущей историей языка пути. В этом противоречии, отчасти, скрыт и мощный источник изменений в языках.

Учитывая такую ‘парадоксальность’ форм конкретных языков, вспомним практический принцип, используемый в переводе: принцип нелинейности, не-пословности, когда переводятся не отдельно взятые, последовательно стоящие в тексте слова (формы), а более крупные отрезки текста, то есть, учитывается контекст. Как в переводе отдельное слово (форма) не может служить единицей приравнивания, так и в контрастивных исследованиях придется искать единицу сопоставления более протяженную, чем отдельный «кирпичик» – слово (форма).

Вспомним и еще один прием из практики перевода – контекстуальное восполнение. При отсутствии параллельной формы или при функциональной недостаточности параллельной формы, по сравнению с функциональным потенциалом формы в исходном языке, происходит разложение исходного значения формы и перераспределение его между контекстуальными, лексическими и формальными средствами. Значение в переводе, таким образом, выражается уже не отдельной формой, т.е. не глобально, не синтетически, а дискретно, аналитически – через контекстуальный комплекс средств разных уровней языковой системы (грамматических, лексических, синтаксических, фонетических и др.). *Значения не горят* (как и рукописи) и не исчезают при межъязыковых переходах – это можно считать *законом сохранения для лингвистики*.

В связи с вышеизложенным предлагается избрать в качестве единицы межъязыковых контрастивных исследований фрагмент текста меньше высказывания, но больше отдельной формы. Таким фрагментом, в рамках которого перераспределяются смыслы и который, собственно, и переводится в грамматическом плане, может быть комплекс грамматических, лексических и т.п. средств, в совокупности работающий на создание грамматического значения, являющийся средством осуществления грамматического действия. В работах известного российского лингвиста А. В. Бондарко еще в 70-е годы появился термин «грамматико-контекстуальный комплекс» для обозначения одного частного случая суммарного действия грамматических, лексических и контекстуальных средств, направленных на выражение одной грамматической функции. Представляется допустимой и более широкая интерпретация этого понятия в полилингвистическом контексте. Практически все случаи выражения той или иной глобальной грамматиче-

ской функции могут быть представлены как грамматико-контекстуальный комплекс.

Формулой контекстуального комплекса может быть $GKK = \text{«форма+лексика+контекст»} = \Phi + L + K$. С учетом принципа вычитательной генерации (возможной нулевой реализации одного или нескольких компонентов комплекса «форма+лексика+контекст») возможны несколько вариантов. Попробуем их исчислить и наполнить языковым содержанием.

1. Нулевой контекст: отсутствие в рассматриваемом высказывании контекстуальных компонентов, участвующих в выражении данной грамматической функции, например, дополнительных или восполняющих адвербиальных детерминантов для глагольной формы:

рус. *Выходи, сударь, приехали* (А. С. Пушкин)

англ. *Come out, sir, we have arrived*// немецк. *Steig aus, Herr, wir sind angekommen*// франц. *Descends, Monsieur, nous sommes arrivés*// испанск. *Baja, señor mío: hemos llegado*// итал. *Esci fuori, signore, siamo arrivati*

2. Нулевая форма: компоненты соответствующей зоны универсальных смыслов распределяются между контекстом и периферийным средством выражения данного грамматического значения, например, неграмматизованной аналитической конструкцией (*voilà* + причастие) или грамматической формой, категориальное значение которой не является центральным для данного поля:

рус. *вот вы вернулись в Россию – что же вы намерены делать* (И. С. Тургенев)//

франц. *vous voilà rentré en Russie*// итал. *eccovi tornato in Russia*,

ср. англ. *you have returned/ come back*// немецк. *Sie sind zurückgekommen*// испанск. *Usted ha regresado*

3. Нулевое лексическое наполнение: данный вариант, как и следующий, вряд ли имеет место в реальной языковой деятельности; наиболее близки к этому классу метаязыковые описания грамматических явлений, например модели грамматических форм: *I have X-ed; you have been Y-ing*.

4. Нулевое лексическое наполнение и нулевой контекст: см. п.3.

5. Нулевое лексическое наполнение и нулевая форма: соответствующее значение распределяется между контекстуальными компонентами, например, выражение определенности/неопределенности существительного посредством порядка слов в безартиклевых языках:

рус. *В это время из боковой двери вышел с блестящими галунами и сияющим, глянцевитым лицом, с пропитанными табачным дымом усами фельдфебель* (Л. Н. Толстой)//

англ. *Just then a sergeant... came in through a side door*// немецк. *trat aus einer Seitentür ein Feldwebel*// испанск. *entró por una puerta lateral un sargento*// итал. *comparve un sergente maggiore*// венгерск. *kilépett egy arany-paszományos... őrmester*.

6. Нулевая форма и нулевой контекст: соответствующие смыслы выражаются через отдельные компоненты лексического наполнения форм других полей, например, результативное (перфектное) значение термина-

тивных глаголов прибытия/отправления в форме настоящего времени.

франц. *il me quitte, il y a deux minutes;*

немецк. *Sieh: ich komme soeben vom Lande//* франц. *car je reviens de la campagne//* испанск. *Io, vedete, vengo ora dalla campagna*

ср. рус. *Вот я сейчас из деревни приехал* (ЛНТ, В) // англ. *I've just come back from the country.*

Таким образом, грамматико-контекстуальный комплекс может быть принят в качестве основной единицы, «рамки» функционального сопоставления языков.

2.3 Явная, скрытая и универсальная грамматика

В сопоставительной функциональной грамматике и функциональной типологии сопоставляются функции и средства их выражения, а не только и не столько формы. Функции, а точнее, функциональные типы, более универсальны, чем формы. Универсальность функциональных типов связана с тем, что они соотносятся с ситуативными типами, типами категориальных ситуаций универсальной грамматики, общими для всех языков. Грамматико-контекстуальные комплексы, выражающие соответствующие смыслы, представляют собой реакции носителей различных языков на одинаковые ситуативные стимулы. Эти реакции, если абстрагироваться от мелких различий, принципиально эквивалентны друг другу. Имеется в виду, конечно же, суммарное действие компонентов комплекса, а вот распределение значений между компонентами комплекса, интерпретирующими данную ситуацию, может быть различно в разных языках, может проявляться явно либо косвенно, скрытым образом.

Идея скрытых категорий в грамматике, высказывавшаяся еще Гумбольдтом, в современной лингвистике появилась после работ Бенджамина Ли Уорфа (известного также гипотезой лингвистической относительности). Идеи Уорфа формировались под влиянием изучения им языков североамериканских индейцев. В то же время идея скрытых грамматических категорий нашла отклик в работах лингвистов на материале многих других языков.

Что же касается Уорфа, введение им понятия скрытых грамматических категорий было связано, в частности, с отказом от изучения одних только морфем – факторов гипноза в грамматике (по Делакруа). Если лингвистика и грамматика будут заниматься одними лишь морфемами, из поля зрения ускользнут различные классы слов, которые характеризуются не морфемными показателями, а «типом модели», как пишет Уорф, например, систематическим избеганием некоторых морфем, особым выбором лексики, порядком слов, который означает также определенный порядок классов слов. Лексико-грамматическую сочетаемость Уорф показывал, например, на сочетании некоторых английских послелогов с глаголами: *up* 'полнотью, до конца' не сочетается с глаголами следующих групп: а) *spread, waste, spend, scatter* т.е. с глаголами, выражающими неограниченное рассеивание; б) *rock* (*rock a cradle*) т.е. с глаголами, выражающими колеба-

тельное движение; в) *kill* т.е. выражающими моментальное действие; г) *go, rise* т.е. с глаголами, выражающими направленное движение, при этих глаголах он выражает движение вверх.

В русском языке к скрытым категориям относятся, например, категории определенности/неопределенности, конкретности/неконкретности существительного и др. Например, *Она хочет выйти замуж за полковника* (Тот, за кого она выйдет замуж, должен быть полковником и Тот, за кого она выйдет замуж, уже является полковником). Еще одна скрытая категория – личность/неличность существительного: неличные существительные не употребляются в дательном падеже со значением предназначенности **купить чехлы машине*, **достать линолеум кухне* и в обороте **у воздуха высокая температура*. Это классифицирующая скрытая категория (она постоянна для данной единицы). Ср. также контролируемость/неконтролируемость предиката: несочетаемость предиката со значением неконтролируемости с отрицательными конструкциями в совершенном виде: **не плюнь в колодец*, **не напиши диплом*; с обстоятельством цели: **Стрела летит, чтобы попасть в яблоко*, **Кирпич падает, чтобы ушибить студента*; с инфинитивными конструкциями, имеющими значение внезапности: *А царица хототать*, но: **Дождь лить как из ведра*, **Она толстеть*; с конструкциями сdezактивирующими дательным: **Кирпичу никак не падалось*.

Модифицирующие скрытые категории, напротив, являются переменными для данной единицы. Например, актуальность/узуальность скаженного (ср. англ. *is working/works, was working/worked*): *Мой дед землю нахал* допускает как ту, так и другую интерпретацию (без более широкого контекста здесь не обойтись). В то же время в русском можно найти и следующие пары, напоминающие оппозицию актуальности/узуальности в глагольных формах английского языка: *Я иду/Я хожу*, *Он пьян/Он – пьяница*, *Снег белеет/Снег – белый* (классифицирующий признак).

Смысловое содержание речи складывается, таким образом, не только из явных, открытых (*overt*), но и из неявных, скрытых (*covert*) категорий, из их взаимодействия. Конекстуальный комплекс и в этом случае представляется удобной рамкой рассмотрения такого взаимодействия (для перевода в предыдущих двойственных примерах необходим контекст). Ср.: *He visited* допускает как интерпретацию *Он посещал*, так и *Он посетил*. В данном случае в английском языке категория вида переходит в скрытую область. Но и в русском есть аналогичные случаи: *Он стартовал, анонсировал, рекламировал* (без контекста неизвестно, СВ или НСВ перед нами).

Прав был Л.В.Щерба, когда писал: «Существующие грамматики далеко не исчерпывают всех нужных для владения данным языком грамматических и лексических правил. Их по необходимости приходится дополнять языковым материалом в сыром виде, предоставляя стихийному процессу выявление этих недостающих правил». А как же быть изучающему чужой язык? Большинство грамматик дают лишь самые общие направления употребления описываемых форм. Законы сочетаемости

сти/несочетаемости, контекстуальные и лексические запреты и ограничения только начинают изучаться. Возможно, что их действие иногда выходит и за пределы контекстуального комплекса, например, взаимодействие смыслов артиклевой формы имени и глагольной формы: англ. *I am writing a/the letter* vs. *I write letters/a letter/the letter every day* (актуальность/узуальность взаимодействуют здесь с количественностью и определенностью). Еще один пример из итальянского языка: *Tutti gli elementi sospetti sono stati arrestati* vs. *Sono stato arrestato alcuni mesi fa* (итоговый перфект и одноактный перфект, перевод может быть разным: *Все подозрительные элементы уже арестованы, Всех поарестовали и Я был арестован несколько месяцев назад*). Пример известного автора книги об артиклах У. Коллинзона: *He came on Tuesday/ Он приехал во вторник* vs. *He came on a Tuesday/ Он приехал в один из вторников или Он приезжал по вторникам*.

Взаимосвязь лексики и грамматики привлекла внимание и таких исследователей, как Т. М. Ломова и Т. М. Чирко (лексически ориентированная грамматика). В их работе, имеющей явный прикладной характер, анализируется сочетаемость лексического наполнения с грамматическими структурными схемами. Сопоставительный характер упражнений дает весьма существенный тренинг будущему переводчику или преподавателю.

Факторная модель грамматического действия, о которой подробнее будет сказано в следующем разделе, требует постулирования трех видов грамматики: *грамматики полной* (общей, универсальной), *грамматики явной* (выражающейся в грамматизованных формальных парадигмах) и *грамматики скрытой* (находящей свое выражение через неграмматизованные средства, или *латентной*, могущей стать явной грамматикой в ходе языковой эволюции).

Полная грамматика, связанная с принципом всеобщей переводимости (восходящим, в конечном итоге, к принципу бесконечности семиозиса и взаимной перекодируемости знаковых систем Ч. С. Пирса), опирается на *антиномию грамматического интеграла* (универсального грамматического понятия или концепта) и *грамматико-контекстуального комплекса* (конкретноязыкового воплощения грамматических смыслов в формализованных и контекстуальных средствах).

Подобная модель позволяет сопоставлять языки и говорить о взаимной грамматической переводимости даже в случае нулевой представленности формальных средств, в случае перераспределения универсальных грамматических смыслов того или иного универсального грамматического интеграла между контекстуальными средствами. Наиболее известным примером может служить неявный, ‘супрасегментный артикль’ в русском языке: *По небу полуночи ангел летел* (Лермонтов) // англ. *An angel was crossing the pale vault of night* // немецк. *Am Mitternachtshimmel flog hoch am Zenith Ein Engel* // франц. *À l'heure de minuit, fendant l'azur des cieux, Un ange murmureait* // итал. *Un angelo andava pel cielo notturno* // венгерск. *Szegdelte egy angyal az éji eget* и т.д.

В скрытой грамматике русского языка обнаруживаются и перфектные смыслы: **Награбил денег – страсть!** (Л.Толстой) // англ. *He has stolen a lot of money!* // нем. *Der hat Geld zusammengescharrt – schrecklich!* // франц. *Ah! Il en a ramassé de l'argent, le gaillard!* // испанск. *Ha robado en cantidad* // итал. *Si vede che ne ha rubato del denaro, e non poco!* и т.д.

Независимые переводчики на разные языки ‘распознают’ в русском тексте универсальные грамматические интегралы неопределенности и перфектности, распределенные в русском языке между такими средствами, как порядок слов, семантика ‘чужих’ форм, контекст и т.п.

Как в процессе создания моноязычного текста, так и в процессе перевода деятельность языкового субъекта определяется а) антюномией, диалогическим взаимодействием имеющейся *интенции* (коммуникативного намерения) и прогнозируемой *инфераенции* (коммуникативных выводов и последствий); б) рядом факторов, влияющих на выбор средств высказывания или перевода. Грамматическое действие как часть языковой и коммуникативной деятельности также формируется во взаимодействии этих факторов.

Если сравнить путь выбора оформления высказывания с траекторией движения дождевой капли по оконному стеклу («меандром», в терминологии физиков), то языки представляют собой различные системы меандров, различные рисунки на оконном стекле, различные комплексы выборов из множества возможностей. Траектория выбора напоминает действие аттракции в математическом понимании (ср. теорию катастроф, теорию хаоса, синергетику и др.), перешедшем в лингвистику как метафора. Каждая следующая капля движется, как правило, не по произвольной траектории, а выбирает проложенный предшественниками путь. Этот путь «притягивает» их (лат. *attractio*). Точно такая же картина и в языковой деятельности: мы воспроизводим созданные предшествующими творцами языка слова и формы. Отклонения связаны с поэтической, словотворческой функцией (поэтам «закрыт путь проверенных орбит»), и их рассмотрение – отдельный предмет.

Если будем рассматривать грамматическое действие на оси времени, в процессе его осуществления, то сможем наблюдать а) этап еще-неупотребленного знака, б) этап намерений и возможностей выбора; в) мгновение употребления, когда знак соединяется со своим ситуативным значением; г) и – этап уже-употребленного знака, этап понимания и интерпретации, переосмысления. Переосмысление, кстати, может быть многократным. Язык как человеческое явление вообще оказывается возможным благодаря повторяемости соединения намерений и интерпретаций, любое последующее намерение опирается на предыдущие интерпретации, на своего рода ‘память знака’.

2.4 Факторная модель грамматического действия и перевода

Как уже предлагалось раньше, будем рассматривать грамматический выбор не как готовый результат, не как слово-вещь, а динамически, как грамматическое действие, совершение которого подвержено действию ряда *факторов выбора* модели языкового поведения. Капля, текущая по оконному стеклу, также имеет иногда возможность выбрать одну из предложенных предшественницами развлечений: более накатанную (ненаркированную) и более оригинальную, несущую свежую информацию, отличную от первой (маркированную).

Факторы, влияющие на выбор грамматического оформления высказывания, различны по степени и приоритетности своего влияния, иначе говоря, представляют собой иерархию. Иерархия факторов выбора грамматической формы не зависит от конкретно-языковой реализации, она проявляется себя сходным образом в различных языках. Идиоэтнические особенности грамматического действия касаются внутренней специфики влияния каждого из факторов и возможностей выбора, конкретно-языковых средств, находящихся в распоряжении языкового субъекта (конкретно-языковых аттракторов). Термин «идиоэтнический» в противовес «универсальному» был введен известным исследователем языковой типологии С. Д. Кацнельсоном, вслед за идеями В. фон Гумбольдта, Н. Хомского и И. И. Мещанинова.

Грамматические факторы выбора, как представляется, универсальны, по крайней мере, в иерархии их влияния на конечный выбор: (1) текстовый (регистровый или стилистический) фон; (2) общий ситуативный фон; (3) категориальный фон; (4) контекстуальный фон; (5) лексический фон. С учетом среды, в которой совершает свои лингвистические действия пользователь языка (и переводчик), можно также учитывать культурные, интертекстуальные и т.п. факторы. Факторы более низкого иерархического уровня в большей степени связаны с конкретноязыковыми особенностями.

Интегральное грамматическое значение (качество/количество, определенность/неопределенность, предшествование/одновременность и т.п.) мотивировано pragматически, его можно обнаружить в любом языке, независимо от конкретно-языковой реализации в существующих единицах данного языка – как мы уже сказали, значения не горят. Это значение может быть выражено в грамматике, если есть соответствующая форма. Если же формы нет (а перевести или передать этот смысл необходимо, например, смысл предшествования в прошлом, как в плюсквамперфекте), то оно передается через близкие по смыслу лексические средства, через контекст.

Наличие тех или иных средств является одним из факторов, которые определяют выбор переводчиком грамматического оформления высказывания в языке перевода. Этот фактор назван категориальным или системным, поскольку учитывается наличие либо отсутствие в системе конкретного языка соответствующей явно-грамматической категории, например, по наличию формализованной категории определенности выделяются ар-

тиклевые либо безартиклевые языки. Фактически, этот фактор не столько дает возможность выбора, сколько ограничивает его системой данного языка. Поэтому систему любого языка можно рассматривать как ограничение системы всеобщего универсального языка, как результат вычитания из универсальных возможностей.

В произносительной, фонологической деятельности система конкретноязыкового поведения также формируется как результат ограничения универсального фонетико-физиологического континуума (термин Луи Ельмслева). Ребенок, как известно, в период «гуления» способен произнести и произносит все возможные в любом из языков мира звуки. Общение со взрослыми позволяет направить свободное «гуление» в рамки принятых меандров – фонем, которые также могут пониматься как модели повторяющегося фонетического поведения, а не как типы звуков-«вещей», статических звуков-единиц.

Помимо системного, весьма важного фактора, на процесс выбора воздействуют также и другие. Выделяемые факторы неравновесны, их взаимоотношения, как уже было сказано, представляют собой иерархию. Обратимся к текстовым (регистровым или стилистическим) факторам, которые заняли первое место в иерархии.

Известный немецкий исследователь Харальд Вайнрих сравнивает текст с партитурой музыкального произведения. Партии элементов текста должны быть созвучны друг другу и общей тональности произведения. Так, форма презентного перфекта употребляется обычно в устных сообщениях о ‘свежих новостях’, при ‘обговаривании’ (*Besprechung*, по Вайнриху) прошлого опыта:

Что ж делать, матушка. Виши, с дороги *сбились* (Н. В. Гоголь)//
англ. *We've lost our way, you see* // нем. *Du siehst es ja, wir haben uns verirrt* // франц. *Nous nous sommes trompés de route* // испанск. *Ya ves que hemos perdido el camino* // итал. *Lo vedi, abbiamo perduta la strada* и т.п.

Для текстового типа ‘рассказывание’ (*Erzählung*) данная форма нехарактерна, в этом случае выбираются различные формы прошедшего времени. Впрочем, это утверждение справедливо для ‘более перфектных’ языков, то есть таких, в которых форма презентного перфекта обладает прототипическим значением ‘разговор о последствиях прошлого в настоящем’. Английский и испанский языки наиболее близки к прототипу, немецкий перфект в большей степени позволяет использовать себя в претеритальных контекстах, а итальянский и французский формы уже не являются чисто перфектными, употребляясь и в нарративе (рассказе).

Определяющим для грамматического действия фактором является наличие категориальной ситуации в той или иной ее разновидности. Категориальная ситуация в данном случае – отражение реальной ситуации через посредство интенции автора, говорящего или пишущего, отправителя сообщения. Для презентного перфекта прототипической ситуацией является реальное действие в прошлом, которое говорящий считает тем или иным образом значимым для себя или получателя сообщения. Перфект,

таким образом, – это весьма «субъективное» время. Не зря во многих работах, посвященных изучению английского языка русскими, в свое время появился термин «гиперперфектизация». Русские, изучающие английский язык «по книжкам» и авторитетным грамматикам, употребляют тем не менее форму презентного перфекта немного чаще, чем «естественноговорящие» носители языка (приблизительно на 10-15% больше). Их подводит вера в авторитет книги о грамматике и упражнения «в формате тестов» на подстановку, полностью исключающие фактор говорящего, ориентирующиеся на «объективные» параметры реального действия. Но ведь именно отправитель сообщения решает, что он хочет сказать, именно ему принадлежит исходная *интенция*. О разнообразных типах субъективной ситуативной мотивировки употребления перфекта написано в книге В.Б. Кашкина «Функциональная типология перфекта».

Прототипической ситуацией для неопределенно-артиклевой формы имени является интродукция (введение имени, терма в текстовое действие, «термом» в теории текста – преимущественно сказочного – называются участники событий и значимые элементы декораций). Этот выбор также не опирается на «объективные» качества реальной ситуации. Основным в выборе, например, неопределенно-артиклевого оформления имени является а) известность терма говорящему, б) неизвестность – по мнению говорящего – этого терма слушающему (в этих пунктах явно виден диалогический момент употребления артиклия), в) желание говорящего ввести терм в их совместное дискурсивное пространство (здесь очевидна интенциональность, субъективность). Вот пример типичной интродукции из инициали сказки (это также устоявшийся термин):

Я сегодня поймал было рыбку, Золотую рыбку, не простую (А. С. Пушкин)//

англ. *Today I netted an extraordinary fish, a golden fish* // нем. *Heute hab ich ein Fischlein gefangen, Ein gar seltenes Fischlein, ein goldenes* // франц. *J'ai failli aujourd'hui attraper un poisson, un merveilleux poisson d'or* // испанск. *Hoy cogí un pececito entre las redes, pero no como todos, de oro era* // итал. *Oggi ho pescato un pesciolino, un pesciolino d'oro, non comune* // венгерск. *Egy kis hal akadt ma a hálomba, de nem akármilyen hal: aranyhal* // болгарск. *Хванах днес една рыбка, не каква да е рыбка – златна.* Дальнейшие текстовые действия с ‘рыбкой’ происходят в определенно-артиклевом оформлении.

Для исследования субъективного момента выбора весьма значимо использование параллельного корпуса с вариантами перевода на один и тот же язык. Вполне возможно и экспериментальное исследование, которое позволяет получить количество вариантов, равное количеству участвующих информантов. Ведь весьма часто в одинаковых, казалось бы, контекстах появляются противостоящие друг другу формы. Это доказывает наличие субъективного фактора, связанного с интенцией говорящего, относительную свободу последнего, нежесткость реальной грамматики по сравнению с грамматикой «школьной», грамматикой из учебника.

После универсальной категориальной ситуации следующим по значимости фактором является наличие в явной грамматике соответствующей категории и формальных средств ее выражения (уже упоминавшийся системный фактор). Грамматизованная форма выступает в данном случае в роли атTRACTора. Грамматическое действие ‘вливаются’ в одну из возможных, предопределенных данной языковой системой ‘меандровых’ траекторий. Так, испанские и английские переводчики легко распознают в русском оригинале континуальную разновидность перфектной ситуации, передавая ее свойственной только их языкам формой перфектного прогрессива настоящего времени:

Я только одного вас и молила у бога весь день (Ф. М. Достоевский) //
англ. *I've been simply praying for you all day* // исп. *Yo le he estado pidiendo a Dios* //,

ср. немецк. *Den ganzen Tag über habe ich gebeten* // франц. *J'ai prié toute la journée* // итал. *Non ho fatto altro che pregare*, где подобной формы в явной грамматике нет, поэтому выбирается имеющийся «меандр» простого презентного перфекта.

Взаимное рассмотрение переводов на языки с наличием соответствующей формы и с ее отсутствием в явной грамматике показывает, что в последнем случае смыслы универсального грамматического интеграла не исчезают, а перераспределяются между элементами контекста. Фактически, как уже говорилось, переводится не отдельная форма, а воссоздается целый комплекс – с помощью наличествующих в данной языковой системе атTRACTоров: формальных средств, контекстуальных средств, лексического наполнения формы. Возможны ли при этом «правила грамматики», грамматические «правила перевода», и какой характер они должны иметь?

Говоря о контекстуальных факторах, следует отметить, что контекст для говорящего не является заданным, он создается им вместе с формальной стороной высказывания. Для переводчика контекст, казалось бы, задан текстом оригинала, но это – контекст исходного языка, тот путь, который выбрало для себя грамматическое действие исходя из возможностей (атTRACTоров) исходного языка. Контекст для теории грамматического действия – это выбранные интенцией говорящего элементы реальной ситуации (те обстоятельства, которые он *хочет* сообщить или отметить), обозначенные языковыми средствами. Фактически же, переводчик также создает или воссоздает ситуацию, заново ее интерпретирует, воссоздавая «хотение» исходного отправителя. Но и его – переводчика – грамматическое действие ‘вливаются’ в возможные пути, ‘меандры’ переводящего языка.

Лексический фактор связан с взаимодействием значения лексической группировки, к которой принадлежит употребляемая в данной грамматической форме лексема, со значением самой формы. Например, глаголы движения – в особенности в истории развития перфекта разных языков – показывают семантическую связь с выбором вспомогательного глагола этих форм в некоторых языках. То же самое можно сказать и о переходности/непереходности на определенном этапе развития перфекта, исчисляе-

мости/неисчесляемости и т.п. для неопределенного-артиклевого оформления имени и других многочисленных случаях. Как видим, некоторые из примеров в этой аргументации апеллируют к историческим фактам, что еще раз показывает объяснительные и доказательные возможности общей таблицы языковых контрастов, о чём говорилось в предыдущем разделе. То, что есть в синхронии некоторых языков, сопоставимо с ушедшими, но присутствовавшими в диахронии других языков явлениями, а все они вместе соотносимы с универсальным прототипом, функциональным потенциалом данного явления в панхронической универсальной грамматике.

Фактически, смысл грамматического действия создается из взаимодействия лексики и грамматики, границу между которыми так пока никому и не удалось провести – ни в синхронии, ни в диахронии. О взаимодействии лексики и грамматики писали Б. Л. Уорф, В. М. Жирмунский, С. Д. Кацнельсон. Для переводчика же, как и для моноязычного говорящего, это повседневная реальность языковой деятельности. Говорящий (а в основном, также и переводчик) не задумывается над тем, какую форму ему употребить, он стремится выполнить ту или иную коммуникативную задачу, для которой ‘все средства хороши’, поэтому грамматико-контекстуальный комплекс дополняется ‘до насыщения’, а иногда (проявляя свойство избыточности) и пересыщается средствами выражения того или иного универсального грамматического интеграла.

В добавление к пяти перечисленным и обсужденным факторам, с учетом среды, в которой совершает свои лингвистические действия пользователь языка, можно также принимать во внимание (6) *культурные*, (7) *интертекстуальные* и т.п. факторы, хотя они в большей степени связаны с лексическими, текстовыми, и даже невербальными, а не столько с грамматическими аспектами перевода. Как, например, интерпретировать «красивую женщину, целующую мужчину» в американской рекламе косметики: как жену или как любовницу? Исследования показывают, что русские информанты выбирают интерпретацию «любовница», в то время как американцы – «жена». Это – значимые культурные различия, которые в переводе рекламного текста чаще приводят к отказу от собственно перевода в пользу создания нового, «культурно-адаптированного» целевого текста с сохранением исходной интенции оригинала. Или: как перевести на любой язык, а точнее на иную культуру, рекламу слабительного «Линекс»: «*Сначала «Линекс» – потом стул. Хороший стул для всей семьи*». Интертекстуальная ссылка практически гарантированно будет потеряна.

Иерархию факторов не следует считать временной, то есть, ее не следует понимать таким образом, что «сначала нужно учесть фактор №1, затем – №2» и так далее. Приведенная иерархия распределяет факторы скорее по степени логической приоритетности, а не столько по временной последовательности их воздействия.

Помимо вышеперечисленных, существенную роль в грамматическом выборе играет и (8) *когнитивный фактор* (ср. мысли А. П. Бабушкина в некоторых работах). Это в особенности явно можно наблюдать всякий раз,

когда в реальном употреблении (или в рекуррентном создании) форм, грамматическая семантика, представляющая собою квинтэссенцию предыдущих употреблений, предыдущих контекстов, сталкивается с реальными вещами и лицами, о которых нам известно что-либо из контекста их жизненной практики, их предыстории. Это знание (когнитивное поле) некоторым образом пересекается с определенным семантическим (или функционально-грамматическим) полем. Например, знания о единичности, уникальности предмета могут пересекаться с грамматическими концептами качества и количества (*the Sun, the Moon*, но обычно не *a sun, a moon*, в последнем случае пришлось бы переселить отправителя сообщения на другую планету).

Большинство дидактических грамматик, как правило, не принимают во внимание соображений лингвокультурного, когнитивного, интертекстуального порядка, ограничиваясь либо структурным представлением парадигмы форм, либо перечислением их функций. Тем самым в языковом сознании изучающего иностранный язык пользователя, да и у начинающего переводчика может создаваться деформированная картина действий в языковой реальности. Впрочем, и ‘квалифицированные’ переводчики могут оступиться на порогах иной культуры. Так, русских, даже довольно хорошо владеющих стандартной грамматикой носители английского языка и культуры все же считают слишком напористыми, «невежливыми», например, потому, что в ситуации совета они дают его, напрямую переводя русский императив, типичный в таком случае: *У меня температура – Выпей лекарство* (или: *Сходи к доктору*) // англ. *Take a medicine* (*Go to the doctor*), хотя носитель соответствующей лингвокультуры предпочтет даже не фразу с *should*, а скорее непрямое речевое действие типа: *Have you ever thought of taking/visiting...?* (ср. работы Л. В. Цуриковой о «естественноти» коммуникации).

Факторная модель грамматического действия и перевода в большей степени соответствует реальности языкового существования, нежели статические модели, рассматривающие *продукт*, но не *процесс* перевода. Возможности дальнейшей разработки связаны с выделением дополнительных факторов, влияющих на грамматический выбор, факторы лексического выбора, а также на другие аспекты перевода. Весьма подробно различные факторы рассмотрены в работах Кристофа Гуткнхтса. Значимыми аспектами являются также взаимодействие, взаимное предпочтение, взаимная нейтрализация факторов и др. Радикально существенным для поставленных задач будет исследование собственно грамматических действий и объяснений причин выбора грамматического оформления пользователями языка (по преимуществу, экспериментальное).

Контрольные вопросы к теме 2

1. Что позволяет сравнивать языки?
2. Что можно принять в качестве единицы межъязыкового сопоставления?

3. Какие факторы влияют на выбор грамматического оформления?
4. Что такое явная и скрытая грамматика?

Литература

1. *Бабушкин А. П. Когнитивный аспект грамматического употребления / А. П. Бабушкин, В. Б. Кашкин // Методические и лингвистические проблемы в обучении иностранному языку. – Вып. 6. – Воронеж: ВВАИИ, 2001. – С. 3-6.*
2. *Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.*
3. *Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – С. 264-389.*
4. *Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.*
5. *Gutknecht C. Translating by Factors / C. Gutknecht, L. J. Rölle. – N.Y.: SUNY Press, 1996. – XVI + 346 с.*

ТЕМА 3. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

В рамках небольшой книжки нельзя представить всю сопоставительную грамматику и функциональную типологию, поэтому ограничимся демонстрацией ее возможностей на примере одной прототипической грамматической категории – презентного перфекта.

3.1 Универсальная категория перфектности и ее прагматическая мотивированность

Общее, сходное, универсальное в грамматической семантике языков связано с закономерностями преломления в языке обобщенного человеческого опыта. По мнению немецкого исследователя Иоханнеса Бехерта, грамматические категории «передают типичные качества речевой ситуации; в этом заключено их прагматическое основание, независимое от систем отдельных языков».

Идея о том, что грамматические категории, в своей основе, мотивированы прагматикой речевого взаимодействия, коммуникативной (дискурсивной) ситуацией, не нова, ее высказывали Е. Курилович, М. А. Шелякин и другие. Достаточно соблазнительна и мысль о том, что категории универсальной грамматики можно исчислить из коммуникативного прототипа: говорящий – слушающий – объект, по Бюлеру, либо из шестичленной схемы Якобсона, либо из ненаписанной, но интертекстуально определяемой диалогической модели коммуникации в хронотопе среды (М. М. Бахтин и его последователи). Действительно, коммуникант, позиционирующий себя в дискурсе через координаты Я–ЗДЕСЬ–СЕЙЧАС, вынужден противопоставлять себя другому участнику дискурсивного взаимодействия (даже если мы имеем дело с интроспективной или отложенной по времени коммуникацией – в «разговоре с самим собой» или в монологе как в изолированной реплике). Вместе дискурсанты противопоставляют себя третьему или теме, описываемому фрагменту действительности либо ситуации. Позиционирование коммуникантов – опять же с необходимостью – вынуждает появление категорий множественности, положения в пространстве, временной соотнесенности, информативной новизны, направленности рассмотрения действия с точки зрения производителя либо объекта и т.п. Универсальность этих понятийных категорий вытекает из структуры и логики коммуникации.

Достаточно давно, на грани бытового и научного языкоznания, была высказана мысль о том, что *les langues ne sont que des dialects d'une seule* – языки являются не чем иным, как диалектами одного языка. Этот язык в научной лингвистике получал наименование «универсальной грамматики», «универсального общечеловеческого языка», «семантических прототипов», «универсалий», «логической основы», «универсальных концептов» и т.п. Не существующий «в природе» как отдельная кодовая система этот единый язык, тем не менее, наблюдается в повторениях сходных логических, семантических, синтаксических и прочих ходов в деятельности на

разных языках. Как уже было сказано, в определенной степени он «исчислён», если опираться на базовую логику коммуникации, строение коммуникативной ситуации и ее типов.

Прототипическая ситуация перфектности может быть описана, как такое презентное состояние коммуниканта (ЗДЕСЬ—СЕЙЧАС), которое им достигнуто в результате изменений предшествующего плана (ТАМ—ТОГДА). Комплексная форма, либо конструкция, наблюдаемая в явной, либо в периферийной грамматике конкретного языка соединяет именно два этих плана: англ. *have* (ЗДЕСЬ—СЕЙЧАС) + *Xed* (ТАМ—ТОГДА), франц. *être* (ЗДЕСЬ—СЕЙЧАС) + *Xé(e)* (ТАМ—ТОГДА), рус. *у меня* (ЗДЕСЬ—СЕЙЧАС) + *Xн(o/a/ы)* (ТАМ—ТОГДА). Два этих плана соединяются и в рамках контекстуального комплекса, интерпретирующего данную ситуацию.

Прототипическая ситуация перфектности занимает промежуточное положение между презентностью и претеритальностью, поэтому в отдельных языках и отдельных фрагментах дискурса возможен выбор формы претерита либо презенса для интерпретации данной ситуации, с контекстуальным восполнением смысла либо без него. Между этими двумя полюсами располагаются разнообразные трансформации прототипического перфектного высказывания, кодирующие различные аспекты или фазы прототипа.

Формальное разнообразие выражения перфектных смыслов представляет собой континуум: от дискурсивного единства двух высказываний, раздельно кодирующих два темпоральных плана, соединяемых перфектом, до формы аналитического типа — то есть, все-таки распределяющей смыслы перфектности между двумя составляющими — и формы синтетической, выражющей перфектные смыслы универбально.

Двойственный характер презентного перфекта, его связь как с прошлым, так и с настоящим также объяснима с прагматической точки зрения. И. Бехерт, делящий грамматические категории на три ряда, в зависимости от тех качеств речевой ситуации, которые эти категории передают, относит перфект к категориям третьего ряда, обозначающим качества взаимодействия между участниками речевой ситуации, центральное место среди которых занимает «аффективное участие говорящего», а также «приобщение слушающего к сфере говорящего». Настоящее время он относит к категориям первого ряда, которые обозначают типичные качества говорящего, прошедшее — ко второму ряду категорий, обозначающих качества, которых у говорящего нет.

3.2 Субъективные факторы выбора перфектной формы

Рассмотрим полностью совпадающие переводы (межъязыковой инвариант). Попробуем провести ситуативный анализ с точки зрения значимости действия, обозначенного формой презентного перфекта, для говорящего, находящей отражение в достаточно широком контексте.

1. «Аффективное участие», заинтересованность говорящего связаны с изменением его собственного состояния. Имеется в виду не только со-

стояние, как непосредственный результат или даже продолжение действия в прошлом, подобно значению перфекта состояния в древних языках, т.е. чисто аспектуальное значение, а как бы вторичный, остаточный результат перфектного действия. Субъект перфектного действия при этом вовсе не обязательно совпадает с говорящим. Различие результата для субъекта действия и результата для говорящего четко показывает пример, в котором оба результата эксплицированы в контексте:

Моя жена приехала... Приехала. Она теперь у меня, а я... я несчастный человек (И. С. Тургенев)//

англ. *My wife has come/ arrived*// немецк. *Meine Frau ist angekommen*// франц. *Ma femme est arrivée*// испанск. *Ha venido mi mujer*// итал. *Mia moglie è arrivata/ venuta*//

Первичный результат для субъекта действия «приехала и теперь находится здесь», вторичный – для говорящего – «приехала, и я несчастный человек». В группе несовпадающих переводов встречается ряд случаев, когда переводчик переносит акцент именно на этот вторичный результат, на измененное положение вещей, передавая его формой настоящего времени, как, например, в одном из итальянских вариантов перевода:

Что касается меня, я во многом изменился, брат (И. С. Тургенев)//

англ. <i>I have changed a great deal</i> // немецк. <i>Ich habe mich in vielem verändert</i> // франц. <i>j'ai beaucoup changé</i> // испанск. <i>he cambiado mucho</i> // итал. <i>io mi sono molto cambiato/sono cambiato in molte cose</i> //			
	Io non sono più quel che ero//		

2. Заинтересованность говорящего в последствиях действия, выраженного формой презентного перфекта, может быть связана с изменением состояния не самого говорящего, а окружающего его мира:

А он зачем все забыл?.. И вот он вдруг теперь меня боится (Ф. М. Достоевский)//

англ. *Why has he forgotten everything?*// немецк. *Warum hat er denn alles vergessen?*// франц. *Et pourquoi a-t-il tout oublié?*// испанск. *¿porqué se ha olvidado de todo?*// итал. *perché ha dimenticato?*//

3. Употребление презентного перфекта может мотивироваться восприятием говорящим результата предшествующего действия (непосредственным или умственным восприятием):

И вижу, что ты все сразу понял (Ф. М. Достоевский)//

англ. *you have understood it all at once*// немецк. *hast du das Ganze mit einem Schlag begriffen*// франц. *tu as tout compris*// испанск. *lo has comprendido todo*// итал. *hai tutto capito*//

4. Результатом действия может быть такое изменение состояния говорящего, которое позволяет ему сделать умозаключение, вывод:

“Ваша супруга щекотливая женщина – с.” – “А вы ее щекотали?” – “Да, говорю, щекотал” (Ф. М. Достоевский)//

англ. *have you tickled her? – Yes, I have*// немецк. *Haben Sie sie denn schon mal gekitzelt? – hab ich sie schon gekitzelt*// франц. *vous l'avez chatouillé? – Oui, je l'ai chatouillé*// испанск. *¿Le ha hecho Usted cosquillas? – le ha*

hecho cosquillas// итал. *Le avete mai fatto il solletico? – Si, l'ho sollecitata.*

5. Вещественный, наглядный результат предшествующего действия также может служить мотивировкой формы презентного перфекта. Говорящий привлекает внимание слушающего указанием или побуждением: Так вот это тот самый фон Зон и есть. *Он из мертвых воскрес, так ли, фон Зон?* (Ф. М. Достоевский)//

англ. *He has risen from the dead//* немецк. *Von den Toten ist er auferstanden//* франц. *Il a ressuscité après sa mort//* испанск. *¿Es que has resucitado?//* итал. *È risuscitato.*

6. Употребление ПП мотивируется и такой ситуацией, когда прошедшее действие и настоящий момент связаны отношением цели. Конструально такая мотивировка может эксплицироваться в употреблении либо инфинитива, либо придаточного:

Погостить *приехали* (А. П. Чехов)//

англ. *Come (=has he come) to stay?//* немецк. *Ist wohl zu Besuch hergereist?//* франц. *Il est venu pour quelque temps?//* испанск. *¿Ha venido por unos días?//* итал. *È venuto in visita?*

7. Мотивировка употребления презентного перфекта может быть связана с таким изменением состояния, при котором становится возможным или даже необходимым совершение другого действия, которое и может совершаться в момент высказывания о нем.

Она тебя позвала, она тебе письмо написала, или что-нибудь, оттого ты к ней и пошел? (во всех переводах – настоящее время «идешь») (Ф. М. Достоевский)//

англ. *She's asked you, written you a letter//* немецк. *Sie hat dich rufen lassen... hat dir einen Brief geschrieben//* франц. *t'a appelé... t'a envoyé une lettre//* испанск. *te ha llamado... te ha escrito//* итал. *ti ha chiamato... ti ha scritto.*

8. Ситуация подведения итогов за какой-то промежуток времени до настоящего момента также мотивирует употребление говорящим презентного перфекта:

Господи, подумать только о том, сколько отдал человек веры, сколько сил даром на эту мечту, и это столько уже тысячи лет (Ф. М. Достоевский)//

англ. *man has lavished for nothing//* немецк. *die Menschen verschwendet haben//* франц. *l'homme a tant sacrifié... il a dépensé tant de force//* испанск. *ha sacrificado//* итал. *quante forze diverse ha consacrato.*

9. Употребление презентного перфекта мотивировано и в том случае, когда проводится сравнение с положением вещей в настоящий момент:

Испытывал ли ты, видал ты во сне, как в яму с горы падают? Ну так я теперь не во сне лечу (Ф. М. Достоевский)//

англ. *Have you ever experienced... dreamt?//* немецк. *Hast du das auch nicht schon mal erlebt... geträumt?//* франц. *As-tu jamais éprouvé... senti?//* испанск. *¿Has sentido tú, has visto tú en sueños?//* итал. *Hai mai provato?*

10. Действие обуславливает такое изменение положения вещей, при котором становится возможным некоторое действие в будущем. Мотивировка может эксплицироваться в контексте в форме будущего времени, или повелительного наклонения.

*Коли ты уж **решился** ехать, то я хоть пешком, да пойду за тобой* (А.С.Пушкин)//

англ. *Since you **have decided** to go, I will follow you//* немецк. *Wenn du dich schon zur Reise **entschlossen hast**, so gehe ich mit//* франц. *Puisque tu **as décidé** de partir, j'irai avec toi//* испанск. *Si Usted **ha decidido** partir, yo le seguiré//* итал. *Se **hai proprio deciso** di andare, io, foss'anche a piedi, ti verrò dietro.*

Все типы мотивировок объединяются под общим понятием *перфектной ситуации*, модель которой представлена на Рис.3-1. Презентный перфект является особой глагольной формой, имеющей двойственный характер. Это как бы «мостик» между прошедшим и настоящим, взгляд на прошедшее с точки зрения момента речи, последствий действия в настоящем временном плане.

Однако практически любое действие в прошлом приводит к изменению положения вещей в настоящем. Это значит, что в какой-то реальной ситуации могут быть употреблены как презентный перфект, так и претерит, так и даже презенс, – и в принципе любая глагольная форма. Объективные критерии выбора ПРЕЗЕНТНЫЙ ПЕРФЕКТ/ПРЕТЕРИТ вряд ли можно установить. Ситуация, которая действительно влияет на этот выбор, находится не вне говорящего как физического объекта, а внутри его языкового сознания. *Перфектная ситуация* – это способ языковой дискретизации ментального опыта пользователя языка. Язык – не детерминистское «отражение действительности», а семиотическая, т.е. консенсуальная система управления собственными и взаимными ментальными действиями пользователей.

Именно поэтому презентный перфект можно считать шифтером (по терминологии Р. О. Якобсона) особого рода, *относительным шифтером* типа указания направо/налево в бытовой топологии, действие которого зависит от абсолютного указательного комплекса Я-ЗДЕСЬ-СЕЙЧАС. Без учета исходной субъективной точки отсчета (Я-ЗДЕСЬ-СЕЙЧАС) никакая «объективная» интерпретация функционирования презентного перфекта в реальных речевых произведениях, а не в грамматических описаниях или упражнениях невозможна или, говоря мягче, неполна.

3.3 Функциональная типология перфекта

Типология перфектных функций во многих исследованиях опирается на признание перфекта либо видовой, либо временной формой, при этом в любом из этих случаев перфект рассматривается как семантически однородное явление. Результатом такого подхода является неоднородность классификаций, функции перфекта выделяются на разных основаниях в зависимости от того, какой из компонентов комплексной семантики пер-

фекта выходит на первый план. Более целесообразным представляется рассмотрение компонентов семантики перфекта отдельно друг от друга, раздельная классификация темпоральных, таксисных и аспектуальных функций, изучение их взаимной сочетаемости. Выделяются следующие типы ГКК – *аспектуальные функциональные типы презентного перфекта*:

1. Действие моделируется как точка, независимо от возможного внутреннего, логического, экстралингвистического членения этого действия – *ОДНОАКТНЫЙ ПЕРФЕКТ*. В этой функции встречаются перфекты только предельных глаголов.

Он за душегубство и из гвардии выписан, а ты то что? (А. С. Пушкин); англ. *he has been dismissed from the Guards*; немецк. *der ist ja wegen Totschlags aus der Garde gestrichen worden*; франц. *lui a été renvoyé de la garde*; испанск. *ha sido expulsado de la Guardia*; итал. *anche dalla Guardia è stato escluso*.

2. Действие моделируется либо как отрезок, либо как серия отрезков или точек, завершающихся пределом, к которому стремится это действие – *ИТОГОВЫЙ ПЕРФЕКТ*:

Как с того времени много у вас умерло крестьян? (Н. В. Гоголь)//

англ. *How many of your people have died?*// немецк. *Wie ist das, sind seit dieser Zeit viele Bauern bei Ihnen gestorben?*// франц. *vous avez perdu beaucoup de paysans?*// испанск. *¿Y cuántos campesinos se le han muerto?*// итал. *vi son morti molti contadini?*

3. Действие моделируется как серия отрезков или точек, не стремящихся к пределу, а представляющих собой отдельные проявления этого действия. Кратность ‘порций’ действия может быть *неопределенной*. Действие может быть также *однократным* и *многократным*:

Я видел ее всего только один раз (Ф. М. Достоевский); англ. *I have seen her only once*; немецк. *ich hab sie ja überhaupt nur ein einziges Mal gesehen*; франц. *Je ne l'ai vue qu'une seule fois*; испанск. *Yo sólo la he visto una vez*; итал. *Io non l'ho vista che una sola volta*.

Для говорящего важен лишь сам факт наличия действия в предшествующий период времени. Эту разновидность можно назвать «*ОБОБЩЕННО-ФАКТИЧЕСКИМ ПЕРФЕКТОМ*». В минимальном контексте в этой функции встречаются преимущественно непредельные или двойственные глаголы. Для предельных необходим контекст адвербионального детерминанта обобщенного факта и кратности, типа: *когда-нибудь, никогда, всегда, часто*. В минимальном контексте перфект предельного глагола получает, как правило, одноактную или итоговую интерпретацию.

4. Действие, а точнее состояние или отношение, занимающее отрезок времени, – *КОНТИНУАТИВНЫЙ ПЕРФЕКТ*. ‘Эта функция встречается часто в контексте адвербиональных детерминантов, свойственных ситуации обобщенного факта:

... по отношению к русскому правительству я всегда **был** джентльменом (А. П. Чехов);

англ. *I have always been a gentleman*; франц. *je me suis toujours comporté comme un gentleman*; испанск. *siempre me he portado como un caballero*; итал. *mi son comportato da gentiluomo*.

В английском и испанском языках, имеющих особые формы перфектного прогрессива, континуативную, а точнее континуативно-процессную функцию, перенимают на себя именно эти формы. В форме перфектного прогрессива встречаются почти исключительно непредельные глаголы с адвербияльными детерминантами ограничения периода протекания действия:

Пятьнадцать веков мучились мы с этого свободою, но теперь это кончено и кончено крепко (Ф.М.Достоевский)//

англ. <i>For 15 centuries we have been wrestling</i> // испанск. <i>Quince siglos nos hemos estado atormentando</i> //	немецк. <i>haben wir unseie Not gehabt</i> // франц. <i>nous avons dû nous demener</i> // итал. <i>abbiamo continuato a tormentarci</i> .
--	---

Таким образом, в минимальном контексте тип аспектуальной функции определяется взаимодействием лексического значения со значением перфектной формы, контекстуальный параметр комплекса также вносит свой вклад в функциональную интерпретацию аспектуальной стороны семантики перфектной формы. При этом не удается выделить единого общего аспектуального значения, свойственного перфекту в целом. Это еще раз подтверждает, что перфект в современной норме сопоставляемых языков не является собственно видом, его аспектуальные функции индуцируются преимущественно семантикой глагольных лексем и модифицируются контекстом, аспектуальный же компонент значения в универсальной семантике перфекта не является ведущим.

Говоря о *тимпорально-таксисных функциях перфекта*, следует особо отметить несвязанность действия, обозначаемого этой формой, с определенным, конкретным моментом в прошлом, нелокализованность, а точнее, *неопределенную локализованность перфектного действия* во времени. Говорящего интересуют не объективные характеристики действия, а сам факт его совершения, последствия, результаты этого действия.

Тимпорально-таксисные функции перфекта определяются по типу временной локализованности периода ретроспекции, в течение которого неопределенно локализуется перфектное действие. В зависимости от положения на оси времени точки соотнесения этого периода могут быть выделены следующие типы: 1) точка соотнесения совпадает с позицией говорящего Я-ЗДЕСЬ-СЕЙЧАС – это основное, прототипическое употребление презентного перфекта; 2) точка соотнесения перенесена в будущее – футуральный перфект; 3) период соотнесения предшествует другому действию в прошлом – предпрошедшй перфект; 4) точка соотнесения не связана с конкретным моментом – панхронический перфект; 5) преднастоящий перфект – указывает на простую завершенность предшествующего действия при последовательном описании событий в настоящем времени.

1. Первый тип (точкой соотнесения является момент высказывания – основная темпорально-таксисная функция перфекта) подразделяется на две подгруппы: *контактный* и *дистантный перфект*, в зависимости от того, имеется ли указание на локализацию периода ретроспекции или нет. Разновидностью контактного является инклузивный перфект, который включает в период протекания действия и сам момент ретроспекции. Аспектуальная функция в данном случае только континуативная. Можно выделить две дополнительные разновидности – *иммедиатный перфект*, когда между действием и моментом высказывания проходит незначительный, с точки зрения говорящего, промежуток времени, и *инклузивный перфект*, когда начавшееся в прошлом действие включает и настоящий момент.

Инклузивным перфектом следует считать те случаи, когда внимание говорящего обращено на продолжение действия именно в настоящий момент, выраженное контекстом. Инклузивный перфект, следовательно, – чисто контекстуальная функция, в минимальном контексте не встречающаяся. Она свойственна преимущественно английскому перфекту, в параллельных же переводах наблюдаем форму презенса:

*такая грамотность **держится** у нас со времен Рюрика* (А. П. Чехов)//

англ. *The literacy **has existed**... since the time of Rurik//* | немецк. *existiert bei uns//* франц. *existe chez nous//* испанск. *existe desde los tiempos de Rúrik.*

Иммедиатный перфект приблизительно соответствует *Hot News Perfect* в терминологии известного исследователя глагольных функций У. Мак-Коли. Темпоральный признак иммедиатности сочетается, судя по всему, только с одноактностью и итоговостью. Французский и испанский языки имеют для этой функции особое аналитическое образование. Термин «иммедиатный» заимствован из французских практических грамматик. Эта конструкция также не склонна употребляться в ситуациях обобщенного факта и не сочетается с кратностью и с отрицанием:

*Какое это вы **промолвили** слово!* (И. С. Тургенев);

франц. *Quel mot **venez-vous de prononcer**!!* | испанск. *¡Qué **palabras** acaba Usted de pronunciar!!* | англ. *you just **said**!!* немецк. *haben Sie **ausgesprochen**!!* итал. *avete **pronunciata**.*

В английском языке сфера иммедиатных значений частично покрывается простым прошедшим, частично – перфектом. Контекст *just now* (реже собственно *just*), как правило, связан с употреблением простого прошедшего.

2. Наибольшие ограничения на употребление *дистантного перфекта*, а отсюда – и большая сфера употребления простого прошедшего, свойственны английскому и испанскому языкам. В контексте адвербионального детерминанта неконтактного периода в английском и испанском стоит, как правило, простое прошедшее:

Вчера вчера ты не видел моей семьи: полюбуйся (И. С. Тургенев)//

англ. *Yesterday evening you did not see my family;* испанск. *Anoche no viste a mi familia;*

немецк. *Gestern Abend hast du meine Familie nicht gesehen;* франц. *tu ne l'as pas vue hier soir;* итал. *tu non hai veduto la mia famiglia hier sera.*

Для немецкого языка ограничение на дистантность перфекта не может считаться характерным. Точное указание на момент совершения действия в прошлом здесь конкурирует с субъективной значимостью последствий этого действия в настоящем. В немецком дистантном перфекте побеждает значимость для настоящего, поэтому и возможна форма перфекта настоящего времени в контексте прошедшего: *Gestern Abend.* В итальянском и французском перфект не просто может быть дистантным с субъективной привязкой к моменту речи, но и часто становится временем последовательного (чаще всего, устного) повествования. Такие ситуации уже вряд ли можно признать собственно перфектными.

В английском и испанском языках (в первую очередь, в латиноамериканском варианте) распространения сферы действия перфектной формы на дистантную перфектную ситуацию не происходит. Но все же в отдельных случаях встречается употребление перфекта в этих языках и в контексте адвербионального детерминанта прошедшего периода: *Have some tea. – No, thank you, but you go on having yours. – I've finished a ges ago* (I. Murdoch) – «Выпейте чаю. – Спасибо, не надо, но вы продолжайте. – Я уж столько лет как закончила». В данном случае либо повышенная выразительность, высокая степень аффективного участия говорящего «втягивают» в сферу настоящего дистантное действие, либо период интерпретируется как контактный, тем более, что *ago* не обозначает точного момента в прошлом. Еще один пример из параллельного корпуса:

Я давно простил (Л. Н. Толстой)://

англ. *I have for-given you long ago* // немецк. *ich habe dir längst verziehen* // франц. *il y a longtemps que j'ai tout pardonné* // итал. *ti ho già perdonato.*

В кастильском варианте испанского языка чаще может встречаться отнесенность к дистантному периоду, чем в латиноамериканском, точная же соотнесенность с моментом не свойственна и ему. В следующем высказывании (кастильский испанский) момент, скорее всего, интерпретируется как относящийся к контактному периоду: *Nace un rato que nos lo has preguntado por tercera vez* (A. Buero Vallejo) – «Минуту назад ты спросил нас об этом в третий раз».

Для немецкого языка употребление дистантного перфекта характерно во всех аспектуальных функциях: *Herr Stobbe ist vernommen worden am 26. Januar 1964* (F. K. Kaul) – «Господин Штоббе был допрошен 26 января 1964 года»; *Hast du ihn eigentlich beobachtet als er den Leuten ihr Geld auszahlte?* (W. Toelke) – «А ты наблюдала за ним, когда он отсчитывал людям их деньги?»; *Im letzten Jahr hat er ein Bürohaus in Straßbourg gebaut*

(W. Toelke). – «В прошлом году он **построил** здание конторы в Страсбурге».

Аналогично положение с дистантностью перфекта и в итальянском e alle undici precise **ha chiesto** di nuovo di te (A. Moravia) – «а ровно в одиннадцать он снова **справился** о тебе»; Tutti gli elementi sospetti sono stati arrestati già da una settimana (A. Moravia) – «Все подозрительные элементы **арестованы** уже неделю назад»; Тempo fa è stata svolta una indagine (I. Cremaschi) – «Некоторое время тому назад **было проведено** расследование».

Во французском возможен не только дистантный перфект во всех функциях, но и использование перфектной формы как основного времени устного повествования.

3. Дистантный перфект может подвергнуться дальнейшему перемещению по оси времени влево, принимая на себя функции плюсквамперфекта. Действие, обозначаемое *предпрошедшим перфектом*, предшествует другому действию в прошлом. Эта функция наблюдается у немецкого, итальянского, а иногда и у французского перфекта.

Я долго **была больна**; а когда вы здорова ла, Алексей Иванович...
при нудил отца Герасима выдать меня ему (А. С. Пушкин)//
англ. I have been ill for many weeks, and when I recovered <...>
forced// немецк. Ich bin lange krank gewesen; als ich endlich
wieder gesund wurde, zwang <...>// франц. J'ai été longtemps
malade, et lorsque je fus guérie<...> a constraint// испанск.
He estado enferma largo tiempo, pero, al reponerme<...> ha
obligado// итал. Io sono stata lungamente malata; e quando sono
guarita<...> ha costretto.

4. *Футуральный перфект* встречается преимущественно в придаточных временах для обозначения предшествования некоторому действию или моменту в будущем. Эта функция свойственна перфектам всех сопоставляемых языков, но не является обязательной в соответствующей ситуации. Вместо транспонированного перфекта возможно употребление формы будущего времени или настоящего в футуральной функции:

Как только я **скоплю** триста рублей, брошу все и поеду в Крым (А. П. Чехов)//

англ. As soon as I've saved 300 roubles I shall give it all up//	испанск. En quanto ahorre 300 rublos//
	франц. Dès que j'aurais mis 300 roubles//
	итал. Da quando avrò messo da parte.

5. Предшествование, не связанное с конкретной точкой соотнесения, выражает *панхронический перфект*, имеющий две разновидности: *хабитуальный*, связанный с обычными, повторяющимися действиями, и собственно *панхронический*, справедливый для всех временных планов. Панхронический перфект чаще всего встречается в научной литературе, в устной речи чаще может появляться в пословицах, афоризмах и т.п.:

После эту же, которую ноне **порол**, завтра парень в невесты берет (Ф. М. Достоевский);

англ. *And the girl he has thrashed today, the young man will ask in marriage tomorrow*// немецк. *oft nimmt... die er heute ausgepeitscht hat*// франц. *demande ensuite en mariage la belle qu'il a fouetté/fustigée la veille*// испанск. *a la que han zurrado, se casan al otro día*// итал. *si fidanza con la ragazza che ha frustata oggi*.

6. Перфект как *преднастоящее* встречается преимущественно в авторских ремарках в тексте драматических произведений, а также в повествовании, ведущемся в настоящем историческом (Praesens historicum): англ. *Another pause; then – after she has caught a quick, short breath*: (T. Williams) – «Еще пауза; затем быстро, болезненно **вздохнув**»; немецк. *Benjamin ist erschienen* (M. Frisch) – «**Появляется** (досл. *появился*) Беньямин»; испанск. *Se ha acercado al ventanal y toca los cristales* (A. Buero Vallejo) – «**Подходит** (досл. *подошел*) к окну и трогает стекла».

ТАБЛИЦА 3-1. Матрица сочетаемости темпоральных и аспектуальных функций презентного перфекта.

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ	ТЕМПОРАЛЬНО-ТАКСИСНЫЕ ФУНКЦИИ							
	<i>контактный</i>	<i>дистантный</i>	<i>инклиновый</i>	<i>иммедиатный</i>	<i>предпроцедий</i>	<i>футуральный</i>	<i>панхронический</i>	<i>преднастоящий</i>
<i>одноактный</i>	+	+	–	+	+	+	+	+
<i>итоговый</i>	+	+	–	+	+	+	+	+
<i>обобщенно-фактический</i>	+	+	–		?	?	+	?
<i>континуативный</i>	+	+	+	+	+	–	+	?

Не все темпоральные и аспектуальные компоненты перфектной семантики сочетаются между собой. В таблице 3-1 представлена матрица сочетаемости темпоральных и аспектуальных функций.

Графическая модель перфектной ситуации и расположенные на ней функциональные типы (см. Рис. 3-1) отражают направление и стадии эволюции перфекта, реализацию его универсального потенциала в конкретных языках: СТАТАЛЬНЫЙ ПЕРФЕКТ, РЕЗУЛЬТАТИВ, ПЕРФЕКТНЫЙ ВИД → АКЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТАКТНЫЙ ПЕРФЕКТ → АКЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСТАНТНЫЙ ПЕРФЕКТ → ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ. Здесь мы вновь видим, каким образом функционирование формы в синхронии, взятое на материале разных языков, соотносится с развитием функционального потенциала этой формы в диахронии. Это еще раз подтверждает эвристическую ценность предложенной модели языковых контрастов, допускающей сопоставление как разных языков, так и разных периодов в развитии одного языка.

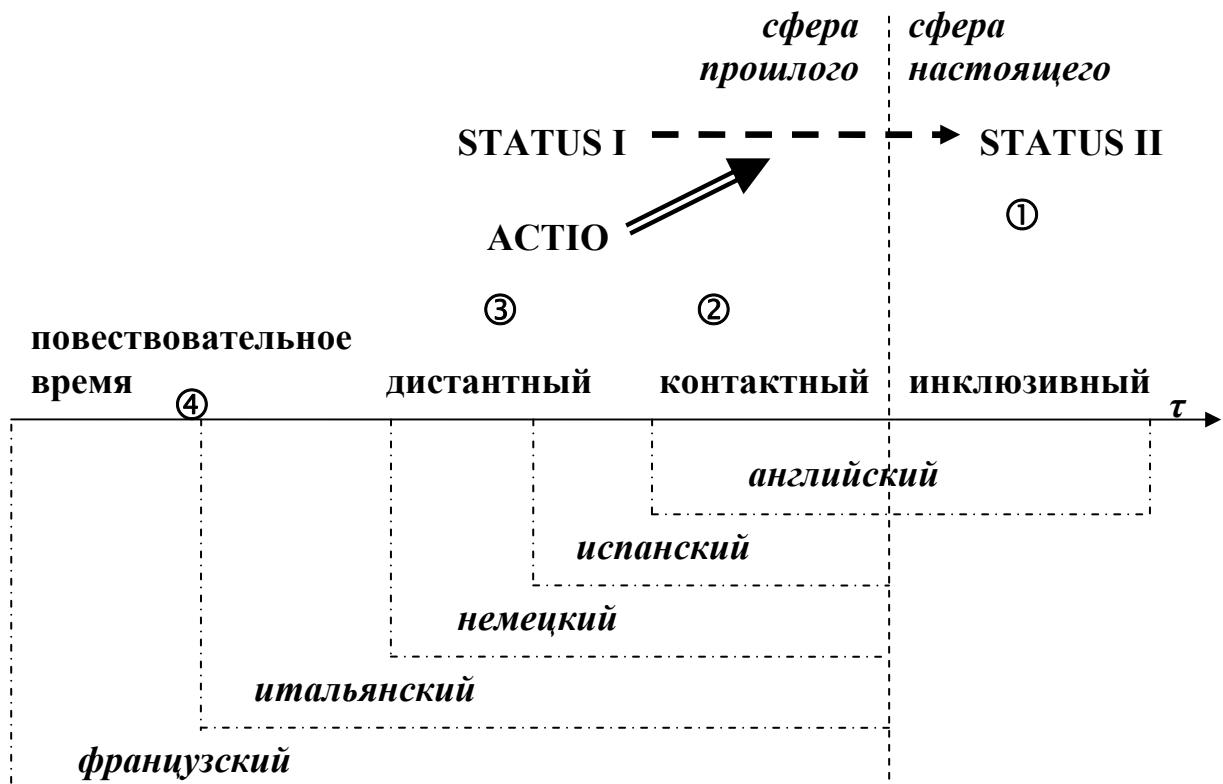

Рис. 3-1. Перфектная ситуация и стадии эволюции функционального потенциала перфектных форм.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

Actio – перфектное действие или его начало, неопределенно локализованное в прошлом; **Status I** – исходное положение вещей; **Status II** – изменившееся положение вещей, результатное состояние;

1 – результатив; 2 – акциональный контактный перфект; 3 – акциональный дистантный перфект; 4 – повествовательное время.

Семантика французской перфектной формы соответствует конечно-му этапу эволюции перфекта, распада категории перфектности как таковой в рамках явной грамматики данного языка. Это, однако, не означает исчезновения перфектных смыслов, сохраняющихся в части функциональных типов этой формы (значения ведь не горят). Аналогичное явление представляет собой и русское прошедшее, где от бывшей аналитической формы сохранилось лишь причастие на *-л*, которое носители современного русского языка уже не воспринимают, как причастие: *ушёл*.

Что же касается развития английским перфектом инклюзивного значения, то этот факт вряд ли может рассматриваться как альтернативное направление развития семантики перфекта в целом (на этот раз в сторону настоящего). Инклюзивная функция свойственна перфектам только незначительной части глаголов в определенных грамматико-контекстуальных комплексах. Типологически сходным явлением, вероятно, являлись так называемые претерито-презентные глаголы в истории германских языков. С другой стороны, в английском языке имеются возможности употребления перфекта в дистантной функции, соответствующие основному направлению его эволюции.

Контрольные вопросы к теме 3

1. Каковы субъективные факторы выбора перфектной формы?
2. Каковы аспектуальные функции презентного перфекта?
3. Каковы темпоральные функции перфекта разных языков?

Литература

1. *Бехерт И.* Эргативность как исходный пункт изучения прагматической основы грамматических категорий / И. Бехерт // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XI. – М.: Прогресс, 1982. – С. 411-431.
2. *Кашкин В. Б.* Функциональная типология перфекта / В. Б. Кашкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 128 с.

ТЕМА 4. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА И ТЕКСТА

Исследования текста и дискурса (письменной и устной разновидности дискурса) – это также весьма обширное пространство. Продемонстрируем возможности изучения грамматической составляющей текстовой деятельности на примере артикльевых форм разных языков, соотнесенных с универсальными прототипическими категориями данного/нового, определенности/неопределенности и т.п.

4.1 Артикльевые формы имени в тексте

Сопоставительное дискурсоведение только начинает свое существование как отрасль контрастивистики. Считая текст ареной реального функционирования языковых явлений, обратимся к текстовым факторам употребления неопределенного-артикльевых форм имени. С одной стороны, именно тексты целиком приравниваются в реальной ситуации языковых контрастов (перевод). С другой же, языковые явления в тексте находятся в массе переплетений текстовой «партитуры», *Zeichenkette* (по терминологии Харальда Вайнриха). В ней содержатся и такие «ноты», которые показывают направление движения (движения, разумеется, ментального, а не чтения текста, скажем, в обратную сторону). Весьма часто роль таких указателей направления ментального движения принадлежит артиклям.

Обратимся к пушкинской «СКАЗКЕ О РЫБАКЕ И РЫБКЕ» и ее переводам. Сказочный текст для всех языковых культур признается прототипом Текста и даже моделью Языка вообще (Т. Цивьян). По мнению И. И. Ревзина, развивавшего идеи нашего выдающегося соотечественника В. Я. Проппа, чья книга «Морфология сказки» переведена на десятки языков мира, «сказка функционирует в коллективе как образец, парадигма связного текста, на который носитель языка ориентируется при составлении новых текстов». Для сказочного текста неопределенного-артикльевые формы имени являются ключевыми (это называется «термовый словарь сказки»). Как указывает Вайнрих, по немногим словам с неопределенным артиклем легче восстановить всю сказку, чем по словам с ОА.

Жил *старик* со своею *старухой* у самого *синего моря* (А. С. Пушкин) //

англ. <i>An old man/an old fisherman</i> lived with his good wife by the shore of the deep-blue ocean//	немецк. <i>Lebte einst mit der Alten ein Alter am Ufer des blauen Meeres//</i>	франц. <i>Vivait un vieux/Il était un vieillard</i> vivant avec sa vieille au bord même de la mer bleue//	испанск. <i>En la orilla del mar, del mar azul vivían un viejecito con su vieja//</i>	итал. <i>Viveva un vecchio con la sua vecchia proprio sulla riva del mare azzurro//</i>	венгерск. <i>Élt egyszer a kék tenger mellékén egy apóka meg a felesége//</i>	болгарск. <i>Живял дядо със своята баба край брега на морето си-ньо//</i>
---	--	---	---	---	---	---

Зачин сказки, или инициаль, ее первая фраза типа ЖИЛ-БЫЛ X является классическим примером *интродуктивной референции*, выражаемой практически всегда именем с неопределенным артиклем, весьма часто даже и в безартикльевых языках (ср. рус. протоартикль: *Жил да был один ко-*

роль). Можно обозначить то же самое с помощью квантора существования: Э ОДИН Х (И. И. Ревзин). В рамках текста эту функцию часто называют '*first mention*'. При последующем упоминании того же терма появляется анафорический определенный artikel: *Старик* ловил неводом рыбу, / *Старуха* пряла свою пряжу. *The old man netted fishes// Mit dem Sacknetz fing Fisch der Alte// Le vieux pêchait le poisson au filet// Pescaba el viejecito con sus redes// Il vecchio pescava con la rete a strascio// Дядото* риба ловял със мрежа. Вспомним, что анафорой называется отсылка «назад» по тексту, а катафорой – взгляд вперед.

Кстати, в инициали впервые упомянут не один только старик, но и старуха, *его* старуха. С учетом ситуативного и текстового фактора СТАРУХА также должна была бы быть оформлена неопределенным artikelем в инициали и ОА в последующем употреблении. Однако в инициальной фразе этого не происходит, потому что к этому моменту уже введен СТАРИК, а СТАРУХА присоединяется к нему посредством притяжательного прилагательного-полуартикла. Выражает ли притяжательный элемент определенность или неопределенность? С одной стороны, ряд языков добавляет к притяжательному прилагательному или окончанию еще и ОА (болг. с о я *та* баба; итал. *la sua vecchia*; венг. *a feleség e*), что еще больше привязывает притяжательность к определенности. Но с другой стороны, позиция интродукции требует неопределенного artikelя.

Объяснение этому можно дать, только если разделить два разных фактора, смешивающихся здесь в одном функционально-семантическом единстве: фактор текстовый (и ситуативный) и фактор референтный (соотнесение с конкретным «предметом»). Учитывая этот последний, можно утверждать следующее: если в текстовом отношении мы имеем дело с интродукцией, то оформление имени обязательным по этому фактору неопределенным artikelем не происходит, если интродуцируемый референт уникален (например, *the Sun*, этот фактор упоминался в разделе 2). Сама по себе притяжательность не играет никакой роли, уникальность референта устанавливается только в результате взаимодействия двух факторов: притяжательности и социокультурных фоновых знаний. В иной культуре СТАРИК мог вполне жить с '*одной из своих жен*'. Тогда социокультурный фактор отодвигается, точнее, дает иной результат (англ. *one of the/his/her Xs*, «единица из определенного – все же определенного СТАРИКОМ – множества»). СТАРУХА могла быть введена и в другом предложении с помощью неопределенного artikelя. Тогда убирается притяжательность и синтаксическая связка со СТАРИКОМ, то есть текстовый фактор, а о старухе, фактически пишется отдельный текст, который может пересечься со стариком позже: *Жил да был один старик, который... И жила там еще одна старуха, которая...*

Еще одно доказательство того, что мы имеем дело с действием не унифицированного 'правила', а с множественным выбором, с действием комплекса факторов, находим в одной итальянской сказке. СТАРУХА в «СКАЗКЕ О РЫБАКЕ И РЫБКЕ» находилась в текстовой позиции вторич-

ной интродукции (как ‘принадлежащая’ СТАРИКУ). А что произойдет, если уникальный объект (определенный маркер) поставить в позицию первичной интродукции (неопределенный artikel = {НА}), ‘столкнув’ два противодействующих фактора выбора? Уникальный объект и в этом случае неспособен принять неопределенно-артиклевую форму: *C'era una volta la madre di un figlio* – «Жила-была однажды {опр.артикль=ОА} **мать** **одного** сына». Интересно, что для второго употребления автору уже недостаточно простого определенного артикля, используется более сильное указательное местоимение *questa*: *Questa madre mandò questo figlio a studiare da un monaco* – «Эта **мать** послала этого сына учиться к одному монаху».

Следует обратить внимание на тот факт, что структура высказывания при интродукции часто включает в себя определение: ЖИЛ-БЫЛ {НА} X [, КОТОРЫЙ...], или ЖИЛ-БЫЛ {НА} КАКОЙ-ТО X. В рамках интродуктивного высказывания мы движемся от выделения дискретной единицы из множества к определению ее качественных характеристик. Напомним, что движение от количества к качеству – исторический путь развития неопределенного артикля во всех языках, своего рода диахроническая универсалия.

Определительная функция артикля связана и с синтаксической его мотивировкой, с синтаксическим его происхождением, и с позицией определения: *какой-то X = один X = {НА} X*. Семантически же неопределенный артикль имеет динамическую направленность: стремление от понятия отделения, отдельного, единицы в количественном аспекте – к понятию определения, частного, единицы в качественном аспекте.

*Пришел невод с **одною рыбкой**, с непростою рыбкой, – золотою//* англ. *This time he caught a little fish/ And came up with one fish in it//* немецк. *Sie, da brachte das Netz ihm ein Fischlein//* франц. *Et le filet revint avec un poisson d'or//* испанск. *trajo la red un pececito//* итал. *tornò indietro la rete con un pesciolino//* венгерск. *egy kis hal* *ficánkol benne//* болгарск. *изтегли с мрежата **едничка** **рибка**.*

*Перед ним **изба** со светелкой, с кирпичною, беленою трубою, с дубовыми, тесовыми вороты//*

англ. *In its place – a brand new **izba** with white-washed, brick-work chimney//* немецк. *Vor ihm steht ein Häuschen mit Erkern //* франц. *Devant lui, une izba, avec claire chambrette//* испанск. *Ante él hay una izba, y un cuartito muy claro//* итал. *davanti a lui è una cassetta con una camera dalla grande finestra//*

венгерск. *Szép parasztház, fényses ablakokkal állt elötte//* болгарск. *вижда дядо спретната къщурка с тухлен комин//*

Мы уже неоднократно убеждались, что внутренней форме лингвистических терминов нельзя «верить» до конца: «перфект» не всегда соотносился с совершенным видом, настоящее переводилось прошедшим временем, а как обстоит дело с неопределенностью? Что же, собственно, является неопределенным в случае употребления неопределенного артикля перед именем? Сам референт, насколько это можно увидеть в предыдущих и в других примерах, является всегда вполне определенным объектом. Более

того, употребление неопределенного артикля перед именем с практически неизбежным определителем после него (*X, который...*) нацелено как раз на определение этого референта в дальнейшем. Поставим вопрос более узко: *для кого* из участников коммуникативного акта этот референт является определенным? Очевидно, что в интродукции референт является определенным для отправителя и неопределенным, точнее, определяемым, подлежащим определению – для получателя сообщения. Один из переводчиков даже как бы «вступает в разговор» с получателем, отражая «диалогический характер» артикля: *Что же, пред ним царские палаты// And what do you think? A palace* = «И что же, как Вы думаете? Дворец». Кстати, исследование обратных переводов является одним из приемов контрастивной лингвистики, позволяющим четче семантизировать предложенную целевым языком интерпретацию. Впрочем, эту же фразу можно рассматривать и как трансформацию фразы на исходном языке, пересказ, внутриязыковой перевод, иную интерпретацию. О границах перевода и интерпретации рассуждает Умберто Эко в известной книге «DIRE QUASI LA STESSA COSA» = «Сказать почти то же самое».

Вернемся к нашей сказке. Интродукция термов сказки (и элементов ее декорации) производится раздельным определением: «НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ X, КОТОРЫЙ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ТАК-ТО». Рассказчик сказки (который, вообщем-то, знает ее наперед, хотя бы на несколько шагов) представляет читателю (а тот еще не знает) данный референт впервые. Но не так все просто. Например, ИЗБА встретилась в тексте не один раз (предыдущий пример), в сказке перед этим уже встречались еще три ИЗБЫ с неопределенным артиклем: а) *Поклонись ей, выпроси уж избу;* б) *Избу просит сварливая баба;* в) *Так и быть: изба вам уж будет.* Приведем также и пятый случай (после появления избы):

Выпросил, простофиля, избу!//

англ. *So you begged a great boon, a low izba!// A cottage//* немецк. *Warst so dumm, nur ein Haus zu begehren!//* франц. *C'est une izba, benêt, que tu as demandée!//* испанск. *si te dio, papanatas, una isba!//* итал. *ha chiesto una casetta questo grullo!//*

венгерск. *Parasztházat tudtál csak kivánni!//* болгарск. *Само къща ли, глупче, измоли?//*

В чем же разница всех пяти приведенных ситуаций появления слова ИЗБА? В а), б), в) ИЗБА еще не существует, это не конкретная, вводимая в рассмотрение ИЗБА, а ИЗБА вообще, ИЗБА, так сказать, «в будущем времени». Болгарский и венгерский переводчики, употребляя нулевой артикль, бросают несфокусированный взгляд вдаль, в будущее, в возможный мир. Это – потенциальная ИЗБА, обобщенная ИЗБА. В языках с сильным артиклем, имеющим развитый функциональный потенциал, эта функция (один предмет как репрезентант класса, рода предметов) возможна и у неопределенного артикля. В подобной ситуации возможен и определенный артикль, с несколько иным оттенком, так называемый «родовой» артикль: *The cat is an animal.*

Логическая структура высказывания при исполнении имени с неопределенным артиклем оптативно-прогностической функции выглядит так: **ХОЧУ (ПОЛАГАЮ), ЧТОБЫ Э {НА} Х**. Как синтаксически, так и исторически данный тип отстоит от центральной функции неопределенного артикля (экзистенциальная интродукция), по крайней мере, на один шаг. Не во всех языках у неопределенного артикля можно наблюдать эту функцию. Например, для русскогоprotoартикля один возможно: **Жил-был один король**, но невозможно (пока) **Он был один король**, а **Хочу, чтобы у меня был один король** вряд ли имеет интродуктивную или прогностическую интерпретацию, фраза же **Хочу одного короля** скорее навевает мысли об определенности, да и падеж здесь не именительный, а родительный, имеющий сродство с партитивным артиклем (имеющимся в явной грамматике французского и итальянского языков).

Интересно, что и истории английского (сильноартикльного на данный момент) языка эти функции появились у неопределенного артикля не сразу. Первоначально числительное *an* употреблялось подобно русскому числительному **один** только в интродуктивных контекстах. Подобное движение можно наблюдать в венгерском языке. Переводы Библии разных веков дают разное артикльное оформление имен в одинаковых ситуациях. В интродукции встречаем нулевой артикль в ранних переводах, в более поздних же – неопределенный (или protoартикль, в процессе развития в грамматизированное средство). С одной стороны, здесь видна проницаемость границы между скрытой и явной грамматикой, с другой же – налицо еще одно подтверждение предложенной в разделе 1 модели языковых контрастов. Исторические факты сопоставимы с синхроническими, как годичные кольца на срезе ствола дерева соотносимы с циклами его жизни.

Вернемся теперь к разбитому КОРЫТУ. Это еще один терм сказки, и картина с ним наблюдается аналогичная тому, что мы имели с ИЗБОЙ (текст не приводится): 1) пожелание/просьба; 2) косвенная просьба; 3) обещание; 4) введение; 5) упрек; 6) обобщение (*В корыте много ли корысти*). Первый и второй этапы проявления КОРЫТА связаны с оптативно-прогностической функцией, третий – с конструктивно-прогностической (обещающий уже имеет определенный образ будущего референта). На четвертом мы имеем собственно интродукцию, первое упоминание с реальным объектом ‘перед глазами’. На этапах 5 и 6 происходит обобщение качеств всех корыт в принципе: если 1 = какое-нибудь КОРЫТО, то 5 = любое КОРЫТО, каждое КОРЫТО. Здесь мы имеем дело с репрезентативно-эминентной функцией, где, как уже отмечалось выше, возможно смыкание со сферой определенного артикля в родовом смысле (*Выпросил, дурачина, корыто!*).

Обратим внимание еще на один момент. Примеры с ИЗБОЙ а), б) и в) относятся к текстовому уровню *Besprechung* (прямая речь персонажа), а *Перед ним изба со светелкой* – к уровню *Erzählung* (рассказ автора), по терминологии Х. Вайнриха. О чем же рассказывает автор? ‘Перед ним’ – это перед читателем? Нет, изба появляется перед персонажем, перед ста-

риком, читатель уже слышал об избе. Таким образом, мы вовсе не участвуем в диалоге автор – читатель, но смотрим на мир глазами персонажа через посредство слов автора.

Рассмотрим последовательность использования артиклей со словом ОФИЦЕР в отрывке из «Пиковой дамы» А. С. Пушкина. К моменту появления Германна под окнами дома графини ***ой читатель уже знает как его самого, так и факт его появления в этом месте, однако в большинстве переводов употреблен неопределенный артикль:

Вскоре на одной стороне улицы показался молодой офицер//

англ. *A few moments afterwards... a young officer appeared//*

немецк. *Bald darauf kam... ein junger Offizier hervor//*

франц. *Bientôt... parut un jeune officier//* испанск. *Poco*

después... torció la esquina un joven oficial// итал. *Ben*

presto... apparve un giovane ufficiale// венгерск. *Az utca*

másik oldalán... hirtelen egy fiatal tiszt tűnt föl//

болгарск. *Скоро на едната страна на улицата... се за-даде млад офицер.*

Вслед за этой интродукцией ОФИЦЕР употребляется с определенным артиклем, как и «полагается» после *first mention*. Хотя с Германном мы знакомы буквально с первых строк (и это уже как бы не *first mention*), но в данной декорации он появляется *впервые*. Таким образом, в литературном произведении более развернутого жанра с многочисленными местами действия и декорациями, «сеттингами» интродукция с помощью неопределенной-артиклевой формы возможна неоднократно!

Но через две страницы, в той же главе и практически в той же декорации, но позже – опять встречаем того же Германна или ОФИЦЕРА (точнее, ИНЖЕНЕРА – в эпоху Пушкина это слово значило не совсем то, что сейчас), вновь оформленного неопределенным артиклем. Автор так комментирует обстоятельства этой сцены: «два дня после вечера, описанного в начале этой повести, и за неделю перед той сценой, на которой мы остановились»:

Однажды Лизавета Ивановна, сидя под окошком за пальцами, нечаянно взглянула на улицу и увидела молодого инженера, стоящего неподвижно и устремившего глаза к ее окошку//

англ. *she caught sight of a young officer/a young man//* немецк. *und bemerkte einen jungen Offizier/einen jungen Genieoffizier//* франц. *elle aperçut un jeune officier/un officier de génie//* испанск. *y vió a un joven oficial de ingenieros//* итал. *e vide un giovane ufficiale del genio//* венгерск. *és észrevett egy fiatal mérnökkari tiszttet//* болгарск. *и видя един млад инженер* (мы видим достаточно высокую факультативность болгарского неопределенного артикла, ср. предыдущие интродукции с нулевым артиклем в болгарском переводе).

Неопределенный артикль перед ОФИЦЕРОМ может появиться только в том случае, если мы поменяли «точку зрения», участника диалога, и приходится вводить Германна заново. Фактически, в этой сцене мы смотрим на мир глазами героини. Далее ОФИЦЕР употребляется однозначно с определенным артиклем. Для кого же был неопределенен ОФИЦЕР в этой сцене? Для читателя? Нет, для него введение ОФИЦЕРА произошло рань-

ше, еще в предыдущей сцене, если не говорить о том, что с Германном мы совсем *впервые* познакомились намного раньше. В предшествующем примере мы увидели Германна в новом сеттинге и в качестве как бы нового референта (ОФИЦЕР), еще не определили его, не взяли в фокус на момент высказывания автора о его появлении в пределах новой декорации. В последнем же примере ОФИЦЕР/ИНЖЕНЕР неопределенен для Лизаветы, и мы смотрим, точнее автор хотел, чтобы мы смотрели на данную декорацию и на вводимые термы глазами героини.

Можно вспомнить и о нашей РЫБКЕ. В рассказе старика, обращенном к старухе, РЫБКА вновь обретает неопределенность:

Я сегодня поймал было рыбку, Золотую рыбку, не простую//

англ. *Today I netted a strange fish/an extraordinary fish, a golden fish//* немецк. *Heute hatt ich ein Fischlein gefangen, Ein gar seltenes Fischlein, ein goldenes//* франц. *J'ai failli aujourd'hui attraper un poisson/un merveilleux poisson d'or//* испанск. *Hoy cogí un pececito entre las redes, pero no como todos, de oro era//* итал. *Oggi ho pescato un pesciolino, un pesciolino d'oro, non comune//* венгерск. *Egy kis hal akadt ma a hálomba, de nem akármilyen hal: aranyhal//* болгарск. *Хванах днес една рибка, не каква да е рибка – златна.*

Для автора, читателя и старика-героя на этот момент рыба уже определена. Подключение же нового персонажа, старухи, заставляет говорящего-старика и нас, через ряд опосредований, учитывать и ее информационный потенциал. Вероятно, такое «снятие определенности» может происходить в тексте до бесконечности. Старик мог бы рассказать о появлении рыбки еще кому-либо или же старуха – кому-либо пятому и т.д. При этом всякий раз герой X-ого порядка будет смотреть на новую для него сцену, что отразится либо в высказывании героя предыдущего порядка, либо в высказывании самого автора (вероятно, посредством несобственно-прямой речи) через неопределенную-артиклевую форму имени.

Таким образом, артикль и неопределенный артикль, в частности, в рамках текста, в текстовой своей функции предстает как *средство выражения относительности точки зрения*. Понятие «точки зрения» (*point de vue de l'esprit*) было использовано еще дю Марсэ (du Marsais, XVIII век). По его словам, артикли и полуартикли («метафизические прилагательные») обозначают не физические качества объектов, но только лишь точки зрения разума, различные стороны, с которых разум рассматривает то или иное слово. Неопределенный артикль вводит *новую точку зрения* (иногда на *тот же самый реальный объект*, представляемый в качестве иного референта), это может быть точка зрения автора = говорящего = отправителя сообщения, либо читателя = слушающего = получателя сообщения, либо героя = третьего лица.

Как тут вывести «объективные» правила грамматики?! Как в свое время по другому поводу сказал Булгаков: разруха не на улицах, а в головах, – так и правила грамматики, языковые правила следует искать не столько в «объективных» параметрах предметов реального мира, сколько в

способах его концептуализации языком. Не зря для Томаса Аквината (он же Фома Аквинский) существовал универсальный *verbum cordis*. Правила – не в книге, и не в жизни, а «в сердце».

Помимо интродуктивной функции, анализ текста «СКАЗКИ О РЫБАКЕ И РЫБКЕ» выявляет еще некоторые особенности функционирования неопределенно-артикльевых форм имени в рамках текстовой партитуры. Обобщающее значение уже появлялось в наших примерах, обратимся еще к одному, где фигурирует один из главных термов, РЫБ(К)А.

*Удивился старик, испугался: Он рыбачил тридцать лет и три года / И не слыхивал, чтоб **рыба** говорила//*

англ. *But never once heard a fish talking//* испанск. *y nunca oyó decir por estas tierras... que un pez pudiera hablar de esta manera//* итал. *e non aveva mai sentito parlare un pesce//*

венгерск. *De még nem hallott halat beszélni//*
болгарск. *пръв път чуval, че **риба** говори//*

Напомним, что РЫБА появляется в тексте сказки несколько раз (в соответствии с описанными выше способами интродукции и смены неопределенно-артикльевого оформления определенным). Поскольку к этому моменту и автор, и читатель, и сам старик уже давно ‘перешли с рыбой на ОА’, а никого больше в пределах данной декорации нет, сама золотая рыбка не может быть референтом данной РЫБЫ, хотя и она имеет отношение к этой фразе. Однако решение подсказывают нулевые артикли в болгарском и венгерском, а также в одном из французских переводов (*il n'avait oïi dire que poisson parlât*), периферийные средства в некоторых вариантах перевода (в немецком и еще одном французском: (*Und hörte doch nie einen sprechen// Il n'avait entendu oncques poisson parler*)), а также в одном из английских переводов (*he had never seen one that talked*). Сочетание атомарных смыслов ‘абстрактность’ + ‘один из класса’ – это типичный случай родового или, точнее *репрезентативного*, неопределенного артикля.

Итак, в рамках текста наблюдаются две основные функции неопределенного артикля: интродуктивная и обобщающая. Однако эти глобальные функции имеют и подтипы, благодаря взаимодействию составляющих их атомарных смыслов. Количественные и качественные моменты отражены в двух сторонах понятия единицы: центробежном и центростремительном (воспользуемся идеями известного философа эпохи Возрождения Ник. Кузанского). Под «центром» здесь будем иметь в виду класс предметов, один из которых интродуцируется или, наоборот, для него подыскивается подходящий класс, предмет «причисляется к классу» (по И. И. Ревзину). Динамика «точки зрения» проявляется в прогностическом употреблении и в презентации наличествующего объекта-референта. На пересечении этих параметров можно выделить следующие типы текстовых употреблений неопределенно-артикльевых форм имени:

- $\exists \{ \text{НА} \} X : 1 \text{ vs. } \infty$ – центробежная интродукция;
- (ТАМ) $\exists \{ \text{НА} \} X$, КОТОРЫЙ: $1 \text{ vs. } 0$ – центростремительная интродукция;
- ХОЧУ, ЧТОБЫ $\exists \{ \text{НА} \} X$ (ЛЮБОЙ) – центробежная прогностика;

- ХОЧУ, ЧТОБЫ Э {НА}Х, КОТОРЫЙ – центростремительная прогностика (внетекстовая катафора);
- $\forall X \rightarrow \{\text{НА}\}X$ – репрезентация: экземплярная (центростремительная) и счетная (центробежная).

Следует сказать, что построению текста способствуют только две стороны артиклевой функциональной семантики: интродукция и прогностика, тем более что эти две стороны не только влияют на построение текста, но и вытекают из него. Интродукция открывает сами тексты, новые сцены или элементы этих «сэттингов». Прогностика в тексте предсказывает возможные сэттинги или указывает вакантные элементы сэттингов. Репрезентация (счетность и экземплярность) собственно текстовой роли не играют, это – логические, внетекстовые функции.

4.2 Неопределенный артикль в стихотворном тексте

Стихотворный текст отличается большим разнообразием и несводим к одной более или менее структурированной форме, как это можно было видеть на примере сказки. Более того, было сильное сомнение в самой возможности и целесообразности грамматического сопоставления параллельных стихотворных текстов. Существует миф, что стихотворный перевод в наибольшей степени удален от первоисточника и подвержен произволу авторского субъективизма. Р. О. Якобсон когда-то высказал сожаление о «невозможности воспроизвести грамматический строй переводимого стихотворения». Впрочем, он говорил о переводах с русского языка на чешский. Видимо, в этом случае стремление переводчика к дословному копированию оригинала преобладало именно в силу близости языков. Возможно, переводчик вынужден был бы искать большего приближения к замыслу автора, если бы язык перевода был более далек от русского.

Материал параллельных переводов поэтических текстов демонстрирует как раз то, что грамматическая партитура, на уровне глубинных универсальных смыслов, при переводе сохраняется практически в неизменном виде. Несмотря на существенные расхождения в плане образном, исследованные параллельные переводы стихотворных источников проявили удивительное единство в отношении грамматической части партитуры текста. Как и в прозаическом тексте, переводчики на сильноартиклевые языки, например, однозначно распознают прототипическую ситуацию интродукции и передают ее неопределенным артиклем:

Есть в мире сердце, где живу я(А. С. Пушкин)//

There beats a heart wherein I dwell// die Welt besitzt ein Herz noch, wo ich wohne!// il est au monde un cœur Où je vis/ Un cœur où vit encore ma vie// c'è ancora un cuore ove son viva/ vi è nel mondo un cuore, nel quale io vivo// S még élek én egy tiszta szívben.

Интересно, что в болгарских стихотворных переводах артикль *един* встречается гораздо реже:

Он душу младую в объятиях нес / Для мира печали и слез
(М. Ю. Лермонтов)//

*He carried a soul in his arms, a young life/a babe's soul//
Er trug eine junge Seele/ eine kindliche Seele// Il portait
radieux dans ses bras caressants Une jeune âme au monde//
Un'anima giovane in braccio portava// Vitt arrafelé ... egy
lelket a karjaiban//*

Към мрачния
свят на печал
и лъжа той
носел невинна
душа.

Кстати, подобные наблюдения сделаны и в истории английского и других артикльевых языков. В ту эпоху, когда артикль еще был функционально «слаб», в поэтическом дискурсе даже в ситуации интродукции чаще предпочитался нулевой артикль. Это может, видимо, проявляться и в современных сильноартикльевых языках как грамматический архаизм:

Белеет парус одинокий / В тумане моря голубом!.. (М. Ю. Лермонтов)//

Amid the blue haze of the ocean a sail is passing, white and frail/ A lone white sail shows for an instant Where gleams the sea, an azure streak// Weiß glänzt auf blauer Wasserwüste ein Segel fern am Himmelsrand// Ein weißen Segel weit vom Strande In blauen Meeres Einsam-keit// Une voile apparaît et blanche et solitaire Sur la mer azurée, en un loin-tain brumeux// Blanquéase un velero solitario Entre la bruma azul del mar//

Самотен кораб се белее
сред сини морски ширини.../
Самотен кораб се белее на
тъмен морски кръгозор/ Самотен кораб се белее далече
в синьото море// Biancheggia
vela solitaria Del mare
nell'azzurra bruma// Távol a
kék ködben fehér magányos
vitorla ragyog.

Исключение составляет счетная функция, но здесь артикль не совсем отделяется от собственно числительного:

И славен буду я, доколь в подлуном мире жив будет хоть один поэт
(А. С. Пушкин)//

*and my sublunar fame will dwell as long as there is one last bard
alive/ as long as under heaven one poet yet remains alive/ so
long the glorious fire Of poesy flames in one single scutcheon//
solang auf Erdenbreiten Man einen einz'gen Dichter preist//
tant qu'ici-bas vivra, Fût-il seul au monde, un poète/ un seul
poète existera/ qu'un poète survive/ un poète encore chantera/
Fut-ce un seul poète vivra// fino a quando in questo mondo
sublunare sara vivo sia pure un solo poeta// Nevem dícsőn
ragyog tovább, amíg e földön egyetlen költő lantja szól/ amíg a
földi téreken lenn Költső csak egy is dalra kél//*

и славен
ще съм
аз, до-
демо във
всемира
е жив
поне
един по-
ем.

Иногда в целях большей уникализации или даже персонификации вводимого терма можно встретить «произвольное» изменение неопределенно-артикльевого оформления переводчиком на определенно-артикльевое: *В пустыне чахлой и скупой,/ на почве, зноем раскаленной,/ Анчар, как грозный часовой / Стоит – один во всей вселенной* (А.С. Пушкин)// *there stands the awesome Upas tree// Steht furchtbar Schildwach' der Antiar// L'antiar, comme une redoutable sentinelle, se dresse, seul dans l'univers// l'antiar... se dresse unique dans la création/ L'antchar, seul, se dresse en l'azur torride// l'Ančar sta solo in tutto l'universo// Őrt áll a rémes Antiár, örök magányban, elhagyottan.*

Впрочем, и автор исходного текста заранее «поддерживает» выбор переводчика в пользу уникальности, давая контекст «единственности» и порядок слов SV в оригинале (а не VS, типологически соответствующий неопределенности). В некоторых переводах даже появляется имя собственное: *Анчар* – злокобен часовой – *бди сам във цялата вселена// Antiar, a sentry grim and dreaded, Alone in the universe Stands// Antchar se dresse, ménaçant, Tout seul.* И все же один из переводчиков предпочитает представить данный терм не как уникалию, а как представителя класса: *Like a dread sentry **an antiar**, From all the world stands isolated.*

Что касается типов интродукции, выделенных на материале сказочных текстов, то в стихотворном тексте, где высказывание часто осуществляется только от первого лица, интродукция переносится с основного лирического терма (Я) на объекты действия или обстоятельства. Интродукция при этом проводится ‘по всем правилам’, т.е. (ТАМ) Э {НА}Х, КОТОРЫЙ (или КАКОЙ-ТО):

Я памятник себе воздвиг нерукотворный (А. С. Пушкин)//

Unto myself I reared a monument not builded/ By hands / A monument I've raised not built with hands// Ein Denkmal baut ich mir, wie Hände keins erheben// J'érige un monument qui n'est pas de mains d'homme// J'érige un monument superbe, immatériel// Para la eternidad me elevo un monumento// Io mi sono innalzato un monumento ideale.

В силу известных причин в поэтическом тексте встречается намного больше случаев НА-форм в репрезентативной функции. Ярко выделяется уже упоминавшаяся сравнительно-экземплярная функция КАК {НА}Х:

Как звук ночной в лесу глухом (А. С. Пушкин)//

As ... or in the timbered night a cry// Wie nachts ein Ruf im Waldrevier// comme un cri de la crainte La nuit dans un taillis profond/ Comme un bruit, la nuit, dans un bois// come in un bosco un mormorino// come un suono notturno in un sordo bosco.

В слабоартиклевых языках сравнительная конструкция также является «слабым местом» в функциональном потенциале неопределенного артикла, ср. венгерск. *Mint hang, mely bús fák közt eseng.* Отклонения от обычной артиклевой партитуры связаны с большей абстрактностью, ‘понятийностью’ поэтических образов. В связи с этим возможен не только нулевой, но и определенный артикль, как в предыдущем и в следующем примерах. Отклонения при этом наблюдаются не только в болгарском или венгерском, но и в сильноартиклевых языках.

Как мимолетное виденье, как гений чистой красоты (А. С. Пушкин)//

<i>A glimpse of perfect womanhood//</i>	<i>Ein rasch entfliegend Wunderwesen, Der reinen Schönheit Ideal//</i>	<i>Génie ailé, vision ceinte des pur rayons de la Beauté//</i>
<i>Et comme un ange de beauté//</i>	<i>Telle une fugitive vision, Tel le génie de la pure beauté//</i>	<i>Eszményi szépség fényalakja, Tünékeny, édes látomás//</i>
	<i>come una visione fugace, come il genio della pura bellezza//</i>	<i>како озарение, како чиста красота.</i>

<i>képzete//</i>		
<i>To, как зверь, она завоет, То заплачет, как дитя</i> (А. С. Пушкин)// <i>Like a beast the gale is howling, And now wailing like a child/Like an infant wailing low//</i> <i>Horch – nun weint es wie ein Kind//</i> <i>Tantôt geint comme une bête Tantôt pleure comme un enfant/</i> <i>Tantôt comme un fauve elle hurle//</i> <i>ora, come una belva, uldula, ora piange come un bambino//</i>	<i>Hang üvült fel – mint a farkas! Hang sír, tán gyermeki jaj?//</i> <i>Or mugisce qual belva, o uom' insano/</i> <i>Geme talora qual fanciullo in culla.</i>	

Возможные слияния сфер влияния неопределенного и определенного артиклей в поэтическом тексте отмечается многими исследователями. Т. В. Цивьян считает, что – в поэтическом тексте особенно – возможна инверсия значения и их слияние для определенности/неопределенности как непривативной оппозиции. Имеются основания полагать, что для неопределенно-артиклевых форм имени можно установить сферу сильных функций и сферу слабых функций. В сфере сильных функций без неопределенного артикла не обойтись (в рамках баланса интенции автора и инференции читателя). В сфере же слабых функций возможен выбор других артиклей как средств высказывания или перевода (хотя, разумеется, и не без семантических нюансов).

4.3 Функциональная типология неопределенного артикла

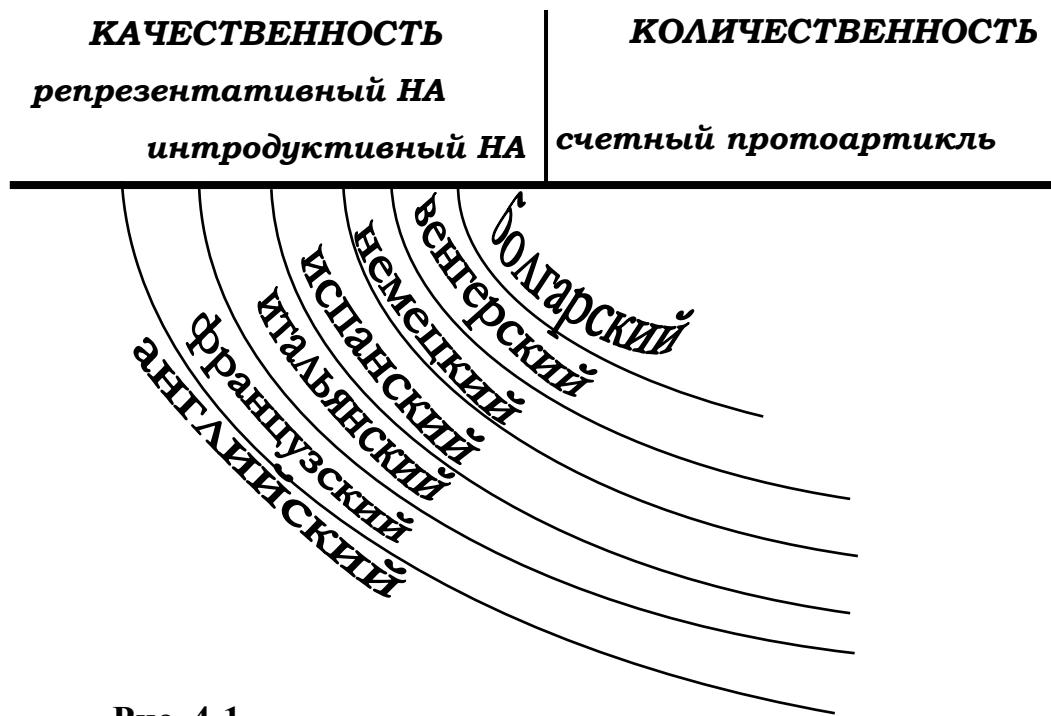

Рис. 4-1

Конкретно-языковая реализация универсального функционально-семантического потенциала неопределенно-артиклевой формы имени

Неопределенно-артиклевая форма имени является семантическим комплексом (как это было показано и с формой презентного перфекта в предыдущем разделе). В этом комплексе соединяются смыслы, принадле-

жащие к различным универсальным понятийным континуумам (количественные, качественные, классификационно-множественные, информационно-прагматические). Функционально-семантический потенциал неопределенного артикля в универсальном общечеловеческом языке находит свою реализацию в разноуровневых средствах микрополя неопределенности конкретных языков. В конкретном высказывании этот потенциал выражается в рамках грамматико-контекстуального комплекса, ядром которого может являться неопределенно-артиклевая форма имени, либо периферийное средство («полуартикль» и т.п.).

Функциональные типы проявляются либо в явной, либо в скрытой грамматике конкретных языков, причем сам способ проявления не меняет существа типа. Форма неопределенного артикля, имеющаяся в конкретном языке, и набор контекстуальных комплексов, в которых она функционирует, соответствует некоторому фрагменту универсального понятийного континуума. Этот набор, или функциональный потенциал формы, соотносится со стадией развития неопределенного артикля в данном языке. Как и в отношении форм презентного перфекта, можно расположить сопоставляемые языки на оси радиации значения неопределенности (см. Рис.4-1).

Контрольные вопросы к теме 4.

1. Каковы текстовые функции неопределенного артикля?
2. В чем специфика грамматики поэтического текста?
3. Как представлена универсальная понятийная категория неопределенности в разных языках?

Литература

1. Герценберг Л.Г., Юсуфджанова Ж.М. О методе сопоставительного изучения языков / Л.Г.Герценберг, Ж.М.Юсуфджанова // Теория языка, англистика, кельтология. – М.: Наука, 1976. – С.40-46.
2. Кашик В.Б. Функциональная типология перфекта / В.Б.Кашик. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 128 с.
3. Кашик В.Б. Функциональная типология (неопределенный артикль) / В.Б.Кашик – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2001. – 255 с.
4. Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. – М.: Наука, 1987. – 240 с.
5. Эко У. Сказать почти то же самое: Опыты о переводе / У.Эко. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 574 с.
6. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика / В.Н.Ярцева. – М.: Наука, 1981. – 112 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ТЕКСТЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

5.1 Параллельные тексты Священного писания

Известно, что первыми параллельными переводами в европейской культуре стали тексты Священного писания. Отцом всех переводчиков считается св. Иероним, переведший библейские тексты на народно-латинский язык (так называемая «VULGATA»). Тексты Ветхого и Нового Завета в разных вариантах перевода, кроме того, всегда служили и служат неиссякаемым источником исследовательского материала.

Проанализируйте следующие фрагменты Евангелия от Матфея на разных языках и в разных вариантах перевода на английский язык. Сопоставьте грамматическое оформление, лексический выбор, стилистику текста и т.п. Используя дополнительные материалы, выясните, какова традиция перевода Библии в разных странах.

¹ Тогда Он, войдя в лодку, переправился *обратно* и прибыл в Свой город.

² И вот, принесли к Нему расслабленного, положенного на постели. И, видя Иисус веру их, сказал расслабленному: дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои.

³ При сем некоторые из книжников сказали сами в себе: Он богохульствует.

⁴ Иисус же, видя помышления их, сказал: для чего вы мыслите худое в сердцах ваших?

⁵ ибо что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи?

⁶ Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – тогда говорит расслабленному: встань, возьми постель твою, и иди в дом твой.

⁷ И он встал, *взял постель свою* и пошел в дом свой.

⁸ Народ же, видев это, удивился и прославил Бога, давшего такую власть человекам.

Матф. 9:1-8

¹ Через *несколько* дней опять пришел Он в Капернаум; и слышно стало, что Он в доме.

² Тотчас собрались многие, так что уже и у дверей не было места; и Он говорил им слово.

³ И пришли к Нему с расслабленным, которого несли четверо;

⁴ и, не имея возможности приблизиться к Нему за многолюдством, раскрыли кровлю дома, где Он находился, и, прокопав ее, спустили постель, на которой лежал расслабленный.

⁵ Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: чадо! прощаются тебе грехи твои.

⁶ Тут сидели некоторые из книжников и помышляли в сердцах своих:

⁷ что Он так богохульствует? кто может прощать грехи, кроме одного Бога?

⁸ Иисус, тотчас узнав духом Своим, что они так помышляют в себе, сказал им: для чего так помышляете в сердцах ваших?

⁹ Что легче? сказать ли расслабленному: прощаются тебе грехи? или сказать: встань, возьми свою постель и ходи?

¹⁰ Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – говорит расслабленному:

¹¹ тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой.

¹² Он тотчас встал и, взяв постель, вышел перед всеми, так что все изумлялись и прославляли Бога, говоря: никогда ничего такого мы не видали.

Марк 2:1-12

¹⁷ В один день, когда Он учил, и сидели тут фарисеи и законоучители, пришедшие из всех мест Галилеи и Иудеи и из Иерусалима, и сила Господня являлась в исцелении *больных*, –

¹⁸ вот, принесли некоторые на постели человека, который был расслаблен, и старались внести его в дом и положить перед Иисусом;

¹⁹ и, не найдя, где пронести его за многолюдством, влезли на верх дома и сквозь кровлю спустили его с постелью на средину перед Иисуса.

²⁰ И Он, видя веру их, сказал человеку тому: прощаются тебе грехи твои.

²¹ Книжники и фарисеи начали рассуждать, говоря: кто это, который богохульствует? кто может прощать грехи, кроме одного Бога?

²² Иисус, уразумев помышления их, сказал им в ответ: что вы помышляете в сердцах ваших?

²³ Что легче сказать: прощаются тебе грехи твои, или сказать: встань и ходи?

²⁴ Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, -- сказал Он расслабленному: тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой.

²⁵ И он тотчас встал перед ними, взял, на чём лежал, и пошел в дом свой, славя Бога.

Лука 5:17-25

¹ После сего был праздник Иудейский, и пришел Иисус в Иерусалим.

² Есть же в Иерусалиме у Овчих ворот купальня, называемая по-еврейски Вифезда, при которой было пять крытых ходов.

³ В них лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды,

⁴ ибо Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил в нее по возмущении воды, тот выздоравливал, какою бы ни был одержим болезнью.

⁵ Тут был человек, находившийся в болезни тридцать восемь лет.

⁶ Иисус, увидев его лежащего и узнав, что он лежит уже долгое время, говорит ему: хочешь ли быть здоров?

⁷ Больной отвечал Ему: так, Господи; но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода; когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня.

⁸ Иисус говорит ему: встань, возьми постель твою и ходи.

⁹ И он тотчас выздоровел, и взял постель свою и пошел. Было же это в день субботний.

Иоанн 5:1-9

- 1: And he entered into a ship, and passed over, and came into his own city.
- 2: And, behold, they brought to him a man sick of the palsy, lying on a bed: and Jesus seeing their faith said unto the sick of the palsy; Son, be of good cheer; thy sins be forgiven thee.
- 3: And, behold, certain of the scribes said within themselves, This man blasphemeth.
- 4: And Jesus knowing their thoughts said, Wherefore think ye evil in your hearts?
- 5: For whether is easier, to say, Thy sins be forgiven thee; or to say, Arise, and walk?
- 6: But that ye may know that the Son of man hath power on earth to forgive sins, (then saith he to the sick of the palsy,) Arise, take up thy bed, and go unto thine house.
- 7: And he arose, and departed to his house.
- 8: But when the multitudes saw it, they marvelled, and glorified God, which had given such power unto men.

Chapter Matt.9

- 1: And again he entered into Capernaum, after some days; and it was noised that he was in the house.
- 2: And straightway many were gathered together, insomuch that there was no room to receive them, no, not so much as about the door: and he preached the word unto them.
- 3: And they come unto him, bringing one sick of the palsy, which was borne of four.
- 4: And when they could not come nigh unto him for the press, they uncovered the roof where he was: and when they had broken it up, they let down the bed wherein the sick of the palsy lay.
- 5: When Jesus saw their faith, he said unto the sick of the palsy, Son, thy sins be forgiven thee.
- 6: But there were certain of the scribes sitting there, and reasoning in their hearts,
- 7: Why doth this man thus speak blasphemies? who can forgive sins but God only?
- 8: And immediately when Jesus perceived in his spirit that they so reasoned within themselves, he said unto them, Why reason ye these things in your hearts?
- 9: Whether is it easier to say to the sick of the palsy, Thy sins be forgiven thee; or to say, Arise, and take up thy bed, and walk?
- 10: But that ye may know that the Son of man hath power on earth to forgive sins, (he saith to the sick of the palsy,) Arise, take up thy bed, and go unto thine house.

11: I say unto thee, Arise, and take up thy bed, and go thy way into thine house.
 12: And immediately he arose, took up the bed, and went forth before them all; insomuch that they were all amazed, and glorified God, saying, We never saw it on this fashion.

Chapter Mark.2

17: And it came to pass on a certain day, as he was teaching, that there were Pharisees and doctors of the law sitting by, which were come out of every town of Galilee, and Judaea, and Jerusalem: and the power of the Lord was present to heal them.

18: And, behold, men brought in a bed a man which was taken with a palsy: and they sought means to bring him in, and to lay him before him.

19: And when they could not find by what way they might bring him in because of the multitude, they went upon the housetop, and let him down through the tiling with his couch into the midst before Jesus.

20: And when he saw their faith, he said unto him, Man, thy sins are forgiven thee.

21: And the scribes and the Pharisees began to reason, saying, Who is this which speaketh blasphemies? Who can forgive sins, but God alone?

22: But when Jesus perceived their thoughts, he answering said unto them, What reason ye in your hearts?

23: Whether is easier, to say, Thy sins be forgiven thee; or to say, Rise up and walk?

24: But that ye may know that the Son of man hath power upon earth to forgive sins, (he said unto the sick of the palsy,) I say unto thee, Arise, and take up thy couch, and go into thine house.

25: And immediately he rose up before them, and took up that whereon he lay, and departed to his own house, glorifying God.

Lucas 5:17-25

1: After this there was a feast of the Jews; and Jesus went up to Jerusalem.
 2: Now there is at Jerusalem by the sheep market a pool, which is called in the Hebrew tongue Bethesda, having five porches.

3: In these lay a great multitude of impotent folk, of blind, halt, withered, waiting for the moving of the water.

4: For an angel went down at a certain season into the pool, and troubled the water: whosoever then first after the troubling of the water stepped in was made whole of whatsoever disease he had.

5: And a certain man was there, which had an infirmity thirty and eight years.
 6: When Jesus saw him lie, and knew that he had been now a long time in that case, he saith unto him, Wilt thou be made whole?

7: The impotent man answered him, Sir, I have no man, when the water is troubled, to put me into the pool: but while I am coming, another steppeth down before me.

8: Jesus saith unto him, Rise, take up thy bed, and walk.

9: And immediately the man was made whole, and took up his bed, and walked: and on the same day was the sabbath.

King James Version. Chapter John.5

1 And entering into a boat, he passed over the water and came into his own city.

2 And behold they brought to him one sick of the palsy lying in a bed. And Jesus, seeing their faith, said to the man sick of the palsy: Be of good heart, son, thy sins are forgiven thee.

3 And behold some of the scribes said within themselves: He blasphemeth.

4 And Jesus seeing their thoughts, said: Why do you think evil in your hearts?

5 Whether is easier, to say, Thy sins are forgiven thee: or to say, Arise, and walk?

6 But that you may know that the Son of man hath power on earth to forgive sins, (then said he to the man sick of palsy,) Arise, take up thy bed, and go into thy house.

7 And he arose, and went into his house.

8 And the multitude seeing it, feared, and glorified God that gave such power to men.

Rheims N.T. (Catholic Version, 1582)

1 And going on board the ship, he passed over and came to his own city.

2 And behold, they brought to him a paralytic, laid upon a bed; and Jesus, seeing their faith, said to the paralytic, Be of good courage, child; thy sins are forgiven.

3 And behold, certain of the scribes said to themselves, This [man] blasphemeth.

4 And Jesus, seeing their thoughts, said, Why do *ye* think evil things in your hearts?

5 For which is easier: to say, Thy sins are forgiven; or to say, Rise up and walk?

6 But that ye may know that the Son of man has power on earth to forgive sins, (then he says to the paralytic,) Rise up, take up thy bed and go to thy house.

7 And he rose up and went to his house.

8 But the crowds seeing [it], were in fear, and glorified God who gave such power to men.

Darby Translation (1890)

1 And having gone to the boat, he passed over, and came to his own city, 2 and lo, they were bringing to him a paralytic, laid upon a couch, and Jesus having seen their faith, said to the paralytic, 'Be of good courage, child, thy sins have been forgiven thee.'

3 And lo, certain of the scribes said within themselves, 'This one doth speak evil.'

4 And Jesus, having known their thoughts, said, 'Why think ye evil in your hearts?

5 for which is easier? to say, The sins have been forgiven to thee; or to say, Rise, and walk?

6 'But, that ye may know that the Son of Man hath power upon the earth to forgive sins – (then saith he to the paralytic) -- having risen, take up thy couch, and go to thy house.'

7 And he, having risen, went to his house,
 8 and the multitudes having seen, wondered, and glorified God, who did give such power to men.

Young's Literal Translation (1898)

9:1 And he entered into a ship, and passed over, and came into his own city.
 9:2 And, behold, they brought to him a man sick of the palsy, lying on a bed: and Jesus seeing their faith said unto the sick of the palsy; Son, be of good cheer; thy sins be forgiven thee.
 9:3 And, behold, certain of the scribes said within themselves, This [man] blasphemeth.
 9:4 And Jesus knowing their thoughts said, Wherefore think ye evil in your hearts?
 9:5 For whether is easier, to say, [Thy] sins be forgiven thee; or to say, Arise, and walk?
 9:6 But that ye may know that the Son of man hath power on earth to forgive sins, (then saith he to the sick of the palsy,) Arise, take up thy bed, and go unto thine house.
 9:7 And he arose, and departed to his house.
 9:8 But when the multitudes saw [it], they marvelled, and glorified God, which had given such power unto men.

American Standard Version (1901)

9:1 /1 Accordingly He went on board, and crossing over came to /2 His own town.
 9:2 Here they brought to Him a paralytic lying on a /3 bed. Seeing their faith Jesus said to the paralytic, "Take courage, my child; your sins are pardoned."
 9:3 "Such language is impious," said some of the Scribes /4 among themselves.
 9:4 /5 Knowing their thoughts Jesus said, "Why are you cherishing evil thoughts in your hearts?
 9:5 Why, which is easier? – to say, 'Your sins are pardoned,' or to say 'Rise up and walk'?
 9:6 But, to prove to you that the Son of Man has authority on earth to pardon sins" – He then says to the paralytic, "Rise, and take up your bed and go home."
 9:7 And he got up, and went off home.
 9:8 And the crowds were awe-struck when they saw it, and ascribed the glory to God who had /6 entrusted such power /7 to a man.

Weymouth New Testament (1909)

1 So he got into a boat, crossed over, and came to His own city.

2 Then behold, they brought to Him a paralytic lying on a bed. When Jesus saw their faith, He said to the paralytic, "Son, be of good cheer; your sins are forgiven you."

3 And at once some of the scribes said within themselves, "This Man blasphemeth!"

4 But Jesus, knowing their thoughts, said, "Why do you think evil in your hearts?"

5 “For which is easier, to say, ‘*Your* sins are forgiven you,’ or to say, ‘Arise and walk?’

6 But that you may know that the Son of Man has power on earth to forgive sins” – then He said to the paralytic, “Arise, take up your bed, and go to your house.”

7 And he arose and departed to his house.

8 Now when the multitudes saw *it*, they marveled and glorified God, who had given such power to men.

The New King James Bible (1979)

Jesus Heals a Paralytic

9 Jesus stepped into a boat, crossed over and came to his own town.
²Some men brought to him a paralytic, lying on a mat. When Jesus saw their faith, he said to the paralytic, “Take heart, son; your sins are forgiven.”

³At this, some of the teachers of the law said to themselves, “This fellow is blaspheming!”

⁴Knowing their thoughts, Jesus said, “Why do you entertain evil thoughts in your hearts? ⁵Which is easier: to say, ‘Your sins are forgiven,’ or to say, ‘Get up and walk?’ ⁶But so that you may know that the Son of Man has authority on earth to forgive sins.... Then he said to the paralytic, “Get up, take your mat and go home.” ⁷And the man got up and went home. ⁸When the crowd saw this, they were filled with awe; and they praised God, who had given such authority to men.

New International Version (1984)

Jesus Heals a Crippled Man

9 Jesus got into a boat and went back across the lake to his own town.
²Some people brought to Jesus a man that was paralyzed (*crippled*). The man was lying on his bed. Jesus saw that these people had much faith. So Jesus said to the paralyzed man, “Be happy, young man. Your sins are forgiven.”

³Some of the teachers of the law heard this. They said to themselves, “This man (*Jesus*) speaks like he is God – that is blasphemy.”

⁴Jesus knew they were thinking this. So Jesus said, “Why are you thinking evil thoughts? ⁵Which is easier: to tell this paralyzed man, ‘Your sins are forgiven,’ or to tell him, ‘Stand up and walk?’ ⁶But I will prove to you that the Son of Man* has power on earth to forgive sins.” Then Jesus said to the paralyzed man, “Stand up. Take your bed and go home.” ⁷And the man stood up and went home. ⁸The people saw this and they were amazed. The people praised God for giving power like this to men.

Blasphemy Saying things against God.

Son of Man Jesus. In Dan. 7:13-14 this is the name for the Messiah, the one God chose to save his people.

New Testament: Easy-to-Read Version (1987)

Heilung eines Gelähmten. Mk 2,1-12; Lk 5,17-26

(9) 1 Und er stieg in das Schiff, setzte über und kam in seine eigene Stadt. 2 Und siehe, sie brachten einen Gelähmten zu ihm, der auf einem Bett lag; und als

Jesus ihren Glauben sah, sprach er zu dem Gelähmten: Sei guten Mutes, mein Sohn, deine Sünden sind vergeben. 3 Und siehe, einige von den Schriftgelehrten sprachen bei sich selbst: Dieser lästert. 4 Und als Jesus ihre Gedanken sah, sprach er: Warum denkt ihr Arges in euren Herzen? 5 Denn was ist leichter zu sagen: Deine Sünden sind vergeben, oder zu sagen: Steh auf und geh umher? 6 Damit ihr aber wißt, daß der Sohn des Menschen Vollmacht hat, auf der Erde Sünden zu vergeben... Dann sagt er zu dem Gelähmten: Steh auf, nimm dein Bett auf, und geh in dein Haus! 7 Und er stand auf und ging in sein Haus. 8 Als aber die Volksmengen es sahen, fürchteten sie sich und verherrlichten Gott, der solche Vollmacht den Menschen gegeben hat.

Elberfelder Übersetzung Bibel

9. Kapitel Die Heilung eines Gelähmten («Der Gichtbrüchige»)

(Mk 2,1-12; Lk 5,17-26)

9,1 Da stieg er in ein Boot und fuhr hinüber und kam in seine Stadt. 9,2 Und siehe, da brachten sie zu ihm einen Gelähmten, der lag auf einem Bett. Als nun Jesus ihren Glauben sah, sprach er zu dem Gelähmten: Sei getrost, mein Sohn, deine Sünden sind dir vergeben. 9,3 Und siehe, einige unter den Schriftgelehrten sprachen bei sich selbst: Dieser lästert Gott. 9,4 Als aber Jesus ihre Gedanken sah, sprach er: Warum denkt ihr so Böses in euren Herzen? 9,5 Was ist denn leichter, zu sagen: Dir sind deine Sünden vergeben, oder zu sagen: Steh auf und geh umher? 9,6 Damit ihr aber wißt, daß der Menschensohn Vollmacht hat, auf Erden die Sünden zu vergeben – sprach er zu dem Gelähmten: Steh auf, hebe dein Bett auf und geh heim! 9,7 Und er stand auf und ging heim. 9,8 Als das Volk das sah, fürchtete es sich und pries Gott, der solche Macht den Menschen gegeben hat.

Перевод Мартина Лютера

9:1 et ascendens in naviculam transfretavit et venit in civitatem suam
 9:2 et ecce offerebant ei paralyticum iacentem in lecto et videns Iesus fidem illorum dixit paralytico confide fili remittuntur tibi peccata tua
 9:3 et ecce quidam de scribis dixerunt intra se hic blasphemat
 9:4 et cum vidisset Iesus cogitationes eorum dixit ut quid cogitatis mala in cordibus vestris
 9:5 quid est facilius dicere dimittuntur tibi peccata aut dicere surge et ambula
 9:6 ut sciatis autem quoniam Filius hominis habet potestatem in terra dimittendi peccata tunc ait paralytico surge tolle lectum tuum et vade in domum tuam
 9:7 et surrexit et abiit in domum suam
 9:8 videntes autem turbae timuerunt et glorificaverunt Deum qui dedit potestatem talem hominibus

Перевод Св.Иеронима

Matthieu 9

1 Jésus, étant monté dans une barque, traversa la mer, et alla dans sa ville.
 2 Et voici, on lui amena un paralytique couché sur un lit. Jésus, voyant leur foi, dit au paralytique: Prends courage, mon enfant, tes péchés te sont pardonnés.
 3 Sur quoi, quelques scribes dirent au dedans d'eux: Cet homme blasphème.

4 Et Jésus, connaissant leurs pensées, dit: Pourquoi avez-vous de mauvaises pensées dans vos coeurs?

5 Car, lequel est le plus aisé de dire: Tes péchés sont pardonnés, ou de dire: Lève-toi, et marche?

6 Or, afin que vous sachiez que le Fils de l'homme a sur la terre le pouvoir de pardonner les péchés: Lève-toi, dit-il au paralytique, prends ton lit, et va dans ta maison.

7 Et il se leva, et s'en alla dans sa maison.

8 Quand la foule vit cela, elle fut saisie de crainte, et elle glorifia Dieu, qui a donné aux hommes un tel pouvoir.

Traduction d'après le texte grec par Louis Segond, Docteur en Théologie

Matteo – Capitolo 9 – Guarigione di un paralitico

[1] Salito su una barca, Gesù passò all'altra riva e giunse nella sua città.

[2] Ed ecco, gli portarono un paralitico steso su un letto. Gesù, vista la loro fede, disse al paralitico: «Coraggio, figliolo, ti sono rimessi i tuoi peccati». [3] Allora alcuni scribi cominciarono a pensare: «Costui bestemmia». [4] Ma Gesù, conoscendo i loro pensieri, disse: «Perché mai pensate cose malvagie nel vostro cuore? [5] Che cosa dunque è più facile, dire: Ti sono rimessi i peccati, o dire: Alzati e cammina? [6] Ora, perché sappiate che il Figlio dell'uomo ha il potere in terra di rimettere i peccati: alzati, disse allora il paralitico, prendi il tuo letto e và a casa tua». [7] Ed egli si alzò e andò a casa sua. [8] A quella vista, la folla fu presa da timore e rese gloria a Dio che aveva dato un tale potere agli uomini.

Jesús sana a un paralítico (Mr. 2.1-12; Lc. 5.17-26)

9¹Entonces, entrando Jesús en la barca, pasó al otro lado y vino a su ciudad. ²Y sucedió que le trajeron un paralítico, tendido sobre una cama; y al ver Jesús la fe de ellos, dijo al paralítico: Ten ánimo, hijo; tus pecados te son perdonados.

³Entonces algunos de los escribas decían dentro de sí: Este blasfema. ⁴Y conociendo Jesús los pensamientos de ellos, dijo: ¿Por qué pensáis mal en vuestros corazones? ⁵Porque, ¿qué es más fácil, decir: Los pecados te son perdonados, o decir: Levántate y anda? ⁶Pues para que sepáis que el Hijo del Hombre tiene potestad en la tierra para perdonar pecados (dice entonces al paralítico): Levántate, toma tu cama, y vete a tu casa. ⁷Entonces él se levantó y se fue a su casa. ⁸Y la gente, al verlo, se maravilló y glorificó a Dios, que había dado tal potestad a los hombres.

5.2 Паралельные тексты сказочного нарратива

Перед нами – варианты перевода художественной сказки. Интерес эти варианты представляют еще и потому, что культурная адаптация одного из них «зашла» настолько далеко, что этот перевод стал, фактически, частью русскоязычного лингвокультурного пространства, «поставщиком» современного интертекста (сравните текст А.Экслера и анекдоты).

Chapter III IN WHICH POOH AND PIGLET GO HUNTING AND NEARLY CATCH A WOOZLE

The Piglet lived in a very grand house in the middle of a beech-tree, and the beech-tree was in the middle of the forest, and the Piglet lived in the middle of the house. Next to his house was a piece of broken board which had: "TRESPASSERS W" on it. When Christopher Robin asked the Piglet what it meant, he said it was his grandfather's name, and had been in the family for a long time. Christopher Robin said you *couldn't* be called Trespassers W, and Piglet said yes, you could, because his grandfather was, and it was short for Trespassers Will, which was short for Trespassers William. And his grandfather had had two names in case he lost one – Trespassers after an uncle, and William after Trespassers.

"I've got two names," said Christopher Robin carelessly.

"Well, there you are, that proves it," said Piglet.

One fine winter's day when Piglet was brushing away the snow in front of his house, he happened to look up, and there was Winnie-the-Pooh. Pooh was walking round and round in a circle, thinking of something else, and when Piglet called to him, he just went on walking.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, В КОТОРОЙ ПУХ И ПЯТАЧОК ОТПРАВИЛИСЬ НА ОХОТУ И ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ ПОЙМАЛИ БУКУ

Лучший друг Винни-Пуха, крошечный поросенок, которого звали Пятачок, жил в большом-пребольшом доме, в большом-пребольшом дереве. Дерево стояло в самой середине Леса, дом был в самой середине дерева, а Пятачок жил в самой середине дома. А рядом с домом стоял столбик, на котором была прибита поломанная доска с надписью, и тот, кто умел немножко читать, мог прочесть:

Посторонним В.

Больше никто ничего не мог прочесть, даже тот, кто умел читать совсем хорошо.

Как-то Кристофер Робин спросил у Пятачка, что тут, на доске, написано. Пятачок сразу же сказал, что тут написано имя его дедушки и что эта доска с надписью – их фамильная реликвия, то есть семейная драгоценность.

Кристофер Робин сказал, что не может быть такого имени – Посторонним В., а Пятачок ответил, что нет, может, нет, может, потому что дедушку же так звали! И «В» – это просто сокращение, а полностью дедушку звали Посторонним Вилли, а это тоже сокращение имени Вильям Посторонним.

– У дедушки было два имени, – пояснил он, – специально на тот случай, если он одно где-нибудь потеряет.

– Подумаешь! У меня тоже два имени, – сказал Кристофер Робин.

– Ну вот, что я говорил! – сказал Пятачок. – Значит, я прав!

Был чудесный зимний день. Пятачок, разметавший снег у дверей своего дома, поднял голову и увидел не кого иного, как Винни-Пуха. Пух

медленно шел куда-то, внимательно глядя себе под ноги, и так глубоко задумался, что, когда Пятачок окликнул его, он и не подумал остановиться.

Глава третья, В КОТОРОЙ ПУХ И ХРЮКА ОХОТЯТСЯ И ЕДВА НЕ ЛОВЯТ ВУЗЛУ

Хрюка жил в очень большом доме, построенном на большом буке, который рос посреди Леса, и маленький Хрюка занимал только центральную часть дома. Рядом с буком стоял столб с прибитой к нему сломанной доской, на которой сохранилась часть надписи: «ПОСТОРОННИМ В...» Когда Кристофер Робин спросил Хрюку, что это значит, тот ответил, что на этой доске написано имя его дедушки и доска эта с давних пор является семейной реликвией. Кристофер Робин резонно заметил, что никогда прежде не встречались ему такие фамилии или имена, как «ПОСТОРОННИМ В», так, мол, никого не называют. Но Хрюка возразил, что называют, поскольку это сокращение и дедушку звали Посторонним Вилл. Что, в свою очередь, есть сокращение от Посторонний Вильям. И его дедушка имел два имени на тот случай, если потеряет одно. Поэтому его звали Посторонним, в честь дяди, и Вильямом, в честь Посторонних.

– И у меня тоже два имени, – вспомнил Кристофер Робин.

– Вот видишь, раз у тебя два имени, значит, и у дедушки могло быть столько же, – с облегчением вздохнул Хрюка.

Как-то раз, солнечным и ясным зимним днем, Хрюка расчищал снег перед домом, а когда поднял голову, увидел перед собой Винни-Пуха. Медвежонок ходил по кругу, думая о чем-то своем, и продолжал кружить, даже когда Хрюка позвал его.

Перевод В.А.Вебера и Н.В.Рейн (стихи)

Алекс Экслер. Дружелюбная пародия на роман «Чапаев и Пустота» Виктора Пелевина

– Я бы тебе не советовал разговаривать со мной в таком тоне, – процидил Тигра сквозь зубы. – Вопрос довольно серьезный. У Кристофера Робина кто-то вчера спер два воздушных шарика. Один зеленый, другой синий. И я не советовал бы тебе относиться к этой проблеме столь поверхностно. Ты уж поверь, в Лесу есть силы, которые заставят кое-кого ответить за эту пропажу.

– Так вот в чем дело! – даже обрадовался я. – Ты теперь из разряда странных прыгающих животных превратился в животное карающее?

– А что тебя удивляет? – спросил Тигра. – Сколько можно бесшабашно прыгать по лесу? Пускай теперь прыгают другие. И лучше пусть они допрыгаются, чем я.

– Ага, ага. Кто не с нами – тот против нас. Знакомый принцип.

– Слушай, поросенок! – сказал Тигра. – Мы с тобой – старые знакомые. Я ценю в тебе философский склад ума, но не надо со мной быть свиньей. У Тигры не такой добродушный характер, как может показаться. А насчет принципа – ты абсолютно прав. Более того, я готов тебя принять

в компанию Тех, Кто Остальных Может Сильно Заставить Задуматься. Мне известны твои старые грешки в виде неожиданной смерти Посторонним В, но у нас все не без греха. Если присоединишься к нам, Лес от этого только выиграет. Ты – животное непростое, но Нам такие нужны. Годится?

Еще бы не годилось. Могучие бицепсы Тигры наводили на мысль, что лучше мне не относиться к группе тех, кого Они заставят задуматься. А там видно будет. Время покажет – кто из нас Кабан.

Анекдоты

1) Тигра завел себе маленький бизнес: утром он пёр хвост у Иа и продавал его Сове в виде шнурка для звонка, а вечером находчивый Тигра пёр шнурок у Совы и продавал Иа в качестве нашедшегося хвоста. Таким образом, Тигра имел не только Иа и Сову, но и стабильный доход.

2) – Когда Пятачок, наконец, забеременеет?

– Тогда, когда у Винни-Пуха лопнет шарик.

5.3 Параллельные стихотворные переводы

Здесь представлены различные (разумеется, не все) варианты перевода фрагментов знаменитого шекспировского 66-го сонета, сделанные разными авторами в разные исторические и культурные периоды. Сопоставьте грамматическое оформление, лексический выбор, стилистику текста и т.п. Кто еще переводил Шекспира? Обратитесь к дополнительным материалам (полный текст 66-го сонета, тексты других произведений и т.д.).

Tired with all these, for restful death I cry,
As, to behold desert a beggar born,
And needy nothing trimm'd in jollity,
And purest faith unhappily forsworn, <...>
Tired with all these, from these would I be gone,
Save that, to die, I leave my love alone.

Устав от всего этого, я взываю к смерти, –
устав видеть достоинство от роду нищим,
и жалкое ничтожество, наряженное в роскошь,
и чистейшую веру, от которой злобно отреклись, <...>
устав от всего этого, я бы от этого ушел,
но_меня останавливает_, что, умерев, я оставлю свою любовь в одиночестве.

В усталости моей я жажду лишь покоя!
Как видеть тяжело достойных в нищете,
Ничтожество в тиши вкушающим благое.

Измену всех надежд, обман в святой мечте. <...>Перевод Н. Гербеля (1880)
Тебя, о смерть, тебя зову я, утомленный.

Устал я видеть честь низверженной во прах.
Заслугу – в рушище, невинность – оскверненной,
И верность – преданной, и истину – в цепях. <...>
Перевод Ф. Червинского (1904)

Я жизнью утомлен, и смерть – моя мечта.
 Что вижу я кругом? Насмешками покрыта,
 Проголодалась честь, в изгнанье правота,
 Корысть – прославлена, неправда – знаменита. <...>
 Хотел бы умереть; но друга моего
 Мне в этом мире жаль оставить одного.

Перевод В. Г. Бенедиктова (1884)

Я смерть зову, глядеть не в силах боле,
 Как гибнет в нищете достойный муж,
 А негодяй живет в красе и холе;
 Как топчется доверье чистых душ, <...>
 Когда б не ты, любовь моя, давно бы
 Искал я отдыха под сенью гроба.

Перевод О. Б. Румера

Измучась всем, я умереть хочу,
 Тоска смотреть, как маётся бедняк,
 И как шутя живется богачу,
 И доверять, и попадать впросак, <...>
 Измучась всем, не стал бы жить и дня,
 Да другу трудно будет без меня.

Перевод Б. Л. Пастернака (1938)

Зову я Смерть. Мне видеть невтерпеж
 Достоинство, что просит подаянья,
 Над простотой глумящуюся ложь,
 Ничтожество в роскошном одеянье, <...>
 Все мерзостно, что вижу я вокруг,
 Но как тебя покинуть, милый друг!

Перевод С. Я. Маршака (1947-1949)

Я умер бы сейчас, дабы не знать
 ни Нищеты, достойной лучшей доли,
 ни Чистоты, обманутой опять,
 ни Красоты, развратной поневоле, <...>

Я умер бы, смеясь, когда б не ты,
 любовь моя, средь этой маэты.

Перевод Р. Винонена (1971)

Устал я жить и мир оставить рад,
 Не видеть, что у нищих благородство
 И у ничтожеств золотой наряд,
 И пламенная вера предается, <...>
 Устал я жить, и смерть страшна лишь тем,
 Что друг мой станет одинок совсем.

Перевод П. Карпа (1974)

Я умер бы, от всех невзгод устав,

Чтоб кровную не видеть нищету,
 И веру справедливости без прав,
 И праздного ничтожества тщету, <...>
 Я умер бы, судьбы не изменя, –
 Но что ты будешь делать без меня?

Перевод М. Дудина (1980)

Устав от жизни, призываю смерть,
 Как странник, изнывающий в пустыне:
 Здесь страшно мне измену лицезреть,
 Здесь все мертвят ничтожная гордыня; <...>
 Устав от жизни, я б покинул свет –
 Тебя одну оставить силы нет.

Перевод Р. Бадыгова (2005)

Давно ушел бы сам, терпеть устав
 Сей гнусный мир, где честный сир и хладен,
 Где рядится ничтожество в шелка,
 Где чистый сердцем дочиста обкраден, <...>
 Давно б ушел от этого всего,
 Да страшно друга бросить одного.

Перевод С. И. Трухтанова (2006)

5.4 Параллельные стихотворные переводы

В этом разделе для анализа предлагаются варианты перевода известного стихотворения А. С. Пушкина. Сопоставьте грамматическое оформление, лексический выбор, стилистику текста и т.п. Кто еще переводил это стихотворение? Обратитесь к дополнительным материалам (тексты других произведений Пушкина и др.).

Я вас любил: любовь еще, быть может,
 В душе моей угасла не совсем:
 Но пусть она вас больше не тревожит;
 Я не хочу печалить вас ничем.

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
 То робостью, то ревностью томим.
 Я вас любил так искренно, так нежно,
 Как дай вам бог любимой быть другим.

I loved you once, nor can this heart be quiet:
 For it would seem that love still lingers here;
 But do not you be further troubled by it;
 I would in no wise hurt you, oh, my dear.

I loved you without hope, a mute offender;
 What jealous pangs, what shy despairs I knew!
 A love as deep as this, as true, as tender,

God grant another may yet offer you.

Перевод: Babette Deutsch

I loved you, and that love, to die refusing,
 May still – who knows! – be smouldering in my breast.
 Pray be not pained – believe me, of my choosing
 I'd never have you troubled or distressed.

I loved you mutely, hopelessly and truly,
 With shy yet fervent tenderness aglow;
 Mine was a jealous passion and unruly...
 May God grant that another will love you so!

Перевод: Irina Zheleznova

I've loved you so, and may just love you still;
 For in my soul love isn't yet extinguished.
 But let this give you not one moment's spill:
 I'd never want to cause you grief or anguish.

I've loved you hopelessly, and yet so dearly,
 To shyness and to jealousy condemned.
 So tenderly I've loved you, so sincerely,
 God grant you may be so well loved again.

Перевод: Douglas Robison

5.5 Критика выбора переводческих решений

Перед переводчиками Э. Берджесса (*Anthony Burgess*) стояла особо трудная задача, ведь в оригинальном тексте романа «A CLOCKWORK ORANGE» встречались русскоязычные вкрапления. Ситуация напоминала многократное отражение одним зеркалом своего отражения в другом...

'What's it going to be then, eh?'

There was me, Your Humble Narrator, and my three droogs, that is Len, Rick, and Bully, Bully being called Bully because of his bolshy big neck and very gromky goloss which was just like some bolshy great bull bellowing auuuuuuuuuh. We were sitting in the Korova Milkbar making up our rassoodocks what to do with the evening, a flip dark chill winter bastard though dry. All round were chellovecks well away on milk plus vello cet and synthemesc and drencrom and other veshches which take you far far far away from this wicked and real world into the land to viddy Bog And All His Holy Angels And Saints in your left sabog with lights bursting and spurting all over your mozg. What we were peeting was the old moloko with knives in it, as we used to say, to sharpen you up and make you ready for a bit of dirty twenty-to-one, but I've told you all that before.

We were dressed in the heighth of fashion, which in those days was these very wide trousers and a very loose black shiny leather like jerkin over an open-necked shirt with a like scarf tucked in. At this time too it was the heighth of

fashion to use the old britva on the gulliver, so that most of the gulliver was like bald and there was hair only on the sides. But it was always the same on the old nogas – real horrorshow bolshy big boots for kicking litsos it. <...>

– Ну, что же теперь, а? Компания такая: я, то есть Алекс, и три моих druga, то есть Пит, Джорджик и Тём, причем Тём был и в самом деле парень тёмный, в смысле glupyi, а сидели мы в молочном баре «Korova», шевеля mozgoi насчет того, куда бы убить вечер – подлый такой, холодный и сумрачный зимний вечер, хотя и сухой. Молочный бар «Korova» – это было zavedenije, где давали «молоко-плюс», хотя вы-то, бллин, небось уже и запамятали, что это были за zavedenija: конечно, нынче ведь все так скоро меняется, забывается прямо на глазах, всем plevatt, даже газет нынче толком никто не читает. В общем, подавали там «молоко-плюс» – то есть молоко плюс кое-какая добавка. Разрешения на торговлю спиртным у них не было, но против того, чтобы подмешивать кое-что из новых shtutshek в доброе старое молоко, закона еще не было, и можно было pitt его с велосетом, дренкромом, а то и еще кое с чем из shtutshek, от которых идет тихий baldiozh, и ты минут пятнадцать чувствуешь, что сам Господь Бог со всем его святым воинством сидит у тебя в левом ботинке, а сквозь mozg проскакивают искры и фейерверки. Еще можно было pitt «молоко с ножами», как это у нас называлось, от него шел tortsh, и хотелось dratsing, хотелось gasitt кого-нибудь по полной программе, одного всей kodloi, а в тот вечер, с которого я начал свой рассказ, мы как раз это самое и пили. <...>

Перевод: В.Бошияка

«Скучна-а-а! Хочется выпить. Чего бы такого сделать?»

Это – я, Алекс, а вон те три ублюдка – мои фрэнды*: Пит, Джорджи (он же Джоша) и Кир (Кирилла-дебила).

Мы сидим в молочном баре «Коровяка», дринкинг, и токинг, и тинкинг, что бы такое отмочить, чтобы этот прекрасный морозный вечер не пропал даром. «Коровяка» – место обычной нашей тусовки – плейс как плейс, не хуже и не лучше любого другого. Как и везде, здесь серв обалденное синтетическое молоко, насыщенное незаметным белым порошком, который менты и разные там умники из контрольно-инспекционных комиссий никогда не распознают как дурик, если только сами не попробуют. Но они предпочитают вискарь-водяру под одеялом...

Фирменный коровий напиток поистине хорош. После каждой дозы минут пятнадцать видишь небо в алмазах, на котором трахается Бог со своими ангелами, а святые дерутся, решая, кто из них сегодня будет девой Марией... Я и мои фрэнды как раз заканчиваем по четвертой поршн. Покеты у нас полны мани, так что отпадает наш обычный эмьюзмент трахнуть по хэду или подрезать какого-нибудь папика и уотч, как он будет свимать в луже собственной блад и юрин, пока мы чистим его карманы. Не надо также пэй визит какой-нибудь старухе еврейке в ее шопе и сажать ее верхом на кассу, выгребая у нее на глазах дневную выручку. <...>

Перевод Евгения Синельщика

5.6 Критика выбора переводческих решений

Сопоставьте грамматическое оформление, лексический выбор, стилистику текста, выдержанность жанра и т.п. в двух представленных ниже вариантах перевода газетной аналитической статьи. Обратитесь также и к дополнительным материалам сайта ИноСМИ.ru.

2006: The Year Russia Schooled The West

Russia's Report Card For The 2006 Academic Year

By *eXile Staff*

This past year was a watershed both for Russia and for Russia's detractors alike. As they used to say after 9/11, «everything's changed». Although not exactly how the West imagined it.

For the first time since Mikhail Gorbachev launched his doomed Perestroika reforms, Russia returned to its rightful place as the White World's Bogeyman, annoying the living shit out of every self-righteous, sexually-frustrated Western missionary with its mixture of menace and mo'. Playing up its new role as something like a cross between Bugs Bunny, the Tasmanian Devil, and P Diddy, Russia is now officially «confident», the biggest sin a country could possibly commit if said country attained its confidence while mooning the West.

In this end-of-the-year issue of The *eXile*, we look back at 2006: The Year Russia Schooled The West. And looking back at each major event as if it was a university course, we issue Russia its bestest, and most-annoyingest, report card ever.

*Below is Russia's report card in each subject in which it competed with The West. We at the *eXile* hope that by reprinting this report card in an open and transparent manner, that the lessons learned will assist all of us in the New Year.*

SUBJECT: Fingerpainting 121

Course Description: Remember all those so-called «Color Revolutions» which were sweeping the former East Bloc and Soviet countries, turning them from supposedly backwards, Russia-dominated failed states into happy, pro-Western «orange» or «yellow» or «rose»-colored nations? Welp, 2006 was the year that Russia decided to «Paint It Black». That's right, in 2006, Russia's Near Abroad overthrew all those bright, ditzy pro-Western colors to return to its natural, serious, Russia-friendly gray. Here is a sample of the color mixing chart:

*Ukrainian Orange. In the 2006 elections, «yesterday's» candidate Viktor Yanukovich ate the pro-Western faction for lunch, winning the largest bloc in the Rada, and eventually taking over the government, revealing every neo-liberal's pock-marked hero Viktor Yuschenko for the spineless, corrupt fool that he is;

*Kyrgyzstan Yellow. Last year's «Tulip Revolution» started looking bad from the moment the savages from Osh overpowered Western-backed NGO-er types. But this is the year that the yellow faded to gray. President Bakayev's tilt towards Russia has turned into a stampede, with demands that the US pay increasingly more for its Manas Airfield base, and now, demands that the US hand over the jughead who smoked a Kyrgyz truck driver. Bakayev is also moving Kyrgyzstan enthusiastically into the anti-Western Shanghai Cooperation Agreement alliance, joining up with...

*Uzbekistan. This hearty li'l Central Asian country's near-revolution never even had time to acquire a color before Uzbek President Karimov colored everything first a very deep crimson red (with chunks of pink), and then, after the blood-bath, a very pro-Russian gray. Indeed, Karimov, who until last year was America's bestest buddy in the whole authoritarian world, has since closed down America's base, thrown out all the special forces and spies and NGO's, and joined up with the Shanghai Five. What's funny about this artistic switcheroo is that even after last year's massacre in Andizhan, the Bush Administration tried to sweep it under the carpet and make it seem as if nothing all that bad really happened. But Karimov sniffed a hint of color, and that was it: later, West!

*Georgia. This country ain't smelling like roses anymore, ever since Russia shipped back all of the Georgian gasterbeitors, banned its wines and mineral water, and shored up the breakaway republics of South Ossetia and Abkhazia, ensuring that those conflicts remain frozen 'n gray for a long time to come. The result? No NATO, no EU, and in fact, no nuthin'.

Schooling Grade: A-. Russia swiped three countries in its Near Abroad from the West, and bitch-slapped a fourth.

2006 год: Год, когда Россия учила Запад уму-разуму («The Exile», Россия)

Россия: справка об успеваемости и поведении за 2006 уч. г.
08 января 2007

Прошедший год стал настоящим водоразделом – как для самой России, так и для ее хулителей. Теперь, как было модно говорить после 11 сентября, «все уже по-другому». Хотя и не совсем так, как это представлял себе Запад.

Впервые с того времени, как Михаил Горбачев начал в стране свою обреченнную на провал Perestroik'y, Россия наконец вернулась к своей законной роли пугала всего «белого мира». Для всех самоуверенных и сексуально озабоченных «миссионеров» с Запада она вновь стала вооруженной и очень опасной – пугающей до колик во всяческих местах. Сегодня для Запада Россия – нечто вроде зайца Багза, Тасманского дьявола и Паффа Дэдди* в одном флаконе. По всеобщему признанию, она приобрела «уверенность» – и тем самым совершила самый тяжкий грех, в который только может впасть какая бы то ни было страна, которая в процессе обретения уверенности уверенно делает Западу mooning.

В своем предновогоднем выпуске The eXile оглядывается на прошлый 2006 год: «Год, Когда Россия Учила Запад Уму-Разуму». Каждое значительное событие этого года мы попытались представить как университетский курс, и получилось, что в этом учебном году Россия по всем дисциплинам стала «самой светлой головой» – лицезрение которой на доске почета очень многим не нравится.

Итак, мы представляем вниманию читателей справку о поведении и успеваемости России по сравнению с Западом за этот учебный год. Коллектив The eXile надеется, что открытая и честная публикация этой справки будет способствовать лучшей усвоемости материала, который нам всем надо выучить, чтобы в новом году дела наконец пошли нормально.

ПРЕДМЕТ: Рисование

Описание курса: Помните разнообразные «цветные» революции, волной прокатившиеся по странам Восточного блока и бывшего Советского Союза, в одночасье превращая каждое несостоятельное, недоразвитое государство, якобы громко стонущее под игом России, в счастливое прозападное общество оранжевого, желтого или еще какого розового оттенка? Ну так вот, в 2006 году пришла Россия с ведром черной краски и... правильно, российское «ближнее зарубежье» сбросило бездумно-яркую прозападную кожу и вернулось к своему нормальному, серьезному, пророссийскому состоянию всех оттенков серого. Вот какие в результате получились краски:

* «Украинская оранжевая». На выборах 2006 года кандидат от 'партии вчерашнего дня' Виктор Янукович съел, не прожевывая, все прозападные силы. Он сначала собрал самый крупный блок в Раде, а затем прибрал к рукам правительство и заодно выставил Виктора Ющенко, заботливо завернутого неолибералами в героическую упаковку, дураком, бесхребетником и коррупционером, ничуть не погрешив при этом против истины.

* «Киргизская желтая». От «революции тюльпанов» стало дурно пахнуть еще в предыдущем 2005 году, с того самого момента, как под напором дикой «ошской» толпы пришлось отступить «НПОшской» прозападной тусовке. Однако именно за прошедший год желтый цвет стал приобретать явные проблески серого. Уклон президента Бакаева (*так в тексте – прим. перев.*) в сторону России приобрел характер падения: Кыргызстан потребовал от США повышения платы за размещение авиабазы в аэропорту Манас, а теперь требует выдачи идиота, застрелившего местного водителя. Кроме того, Бакаев вприпрыжку ведет страну в антизападный альянс Шанхайского сотрудничества, где его ждет угадайте кто...

* «Узбекская». У этого маленького, но здорового и энергичного среднеазиатского народа тоже была своя полуреволюция, но ей даже не успели присвоить цвет: первым стал президент Узбекистана Ислам Каримов, покрасивший все вокруг в очень яркий и насыщенный красный цвет (там, впрочем, было еще много розового). После кровавой бани наступила очередь все того же пророссийского серого: Каримов, до прошедшего года

опекаемый Вашингтоном как самый-самый лучший друг Америки во всем авторитарном мире, закрыл американскую военную базу, вышвырнул из страны весь спецназ, всю разведку и все неправительственные организации и сел за стол к «шанхайской пятерке». И это не просто изящный ход: самое изящное в нем то, что бушевская администрация даже после резни в Андиджане еще пыталась замести все каримовские дела под ковер и старательно делать вид, что ничего такого не произошло. Но Каримов уже унюхал, какого цвета подул ветер, и сделал Западу ручкой.

* «Грузинская». Здесь розами уже не пахнет. Да и откуда? Ведь Россия уже выдворила всех грузинских гастарбайтеров, запретила ввоз грузинских вин и минеральной воды и встала на защиту отковавшихся от Грузии Южной Осетии и Абхазии, обеспечив там серый цвет и заморозку конфликтов на многие годы вперед. Что же теперь будет? А ничего не будет - ни НАТО, ни Европейского Союза.

Оценка: пять с минусом – Россия вырвала из рук Запада три страны своего «ближнего зарубежья». Четвертая показательно получила по шеям.

Кирилл Ельцов, ИноСМИ.Ru 08 января 2007, 10:46

Форум: «Переводы наших читателей»

Тема: 2006 год: Россия учит Запад. Зачетка России с оценками за 2006 академический год. The eXile. 29.12.2006

Прошедший год стал переломным и для самой России, и для её хулигов. Как говорили после 9 сентября, «всё изменилось». Хотя не совсем так, как запад это себе представлял.

В первый раз с того момента, как Михаил Горбачёв запустил его обреченные перестроечные реформы, Россия снова заняла по праву ей принадлежащее место «Буки для Мира Белых», до чёртиков надоедая каждому лицемерному, сексуально неудовлетворённому западному миссионеру своей смесью угрозы и марихуаны (то'). Отыгрывая свою новую роль, помесь между Багсом Банни, тасманским дьяволом (агрессивное сумчатое животное – прим. переводчика), и P Diddy (известный, часто агрессивный рэппер – прим. переводчика), Россия теперь официально стала «самоуверенной», что является самым большим прегрешением которое любая страна может совершить, если вышеупомянутая страна достигла самоуверенности одновременно не забывая показывать Западу голый зад.

В этом, посвящённом концу года номере eXile, мы оглядываемся на 2006 год: Год В Котором Россия Вышколила Запад. И, оглядываясь на каждое основное событие как на курс университета, мы выдаем России её наилучшую и наираздражительнейшую зачётку.

Далее идут оценки России в каждом вопросе, в котором она состоялась с Западом. Мы в eXile надеемся, воспроизведя эту зачётку открыто и прозрачно, что извлечённые из неё уроки помогут нам всем в новом году.

ПРЕДМЕТ: «Педикюр 121»

Описание Курса: Помните все те так называемые «Цветные революции», охватившие бывший восточный блок и советские страны, превращая их из якобы недоразвитых, зависимых от России государств-неудачников в счастливые, прозападные "оранжевые" или «розово»-окрашенные нации? Нудык, 2006 был годом, когда Россия решила "покрасить всё черным". Да-да, в 2006 году, близкое зарубежье России сбросило все те яркие, глупые про-западные цвета для того, чтобы возвратиться к своему естественному, серьёзному, дружественному России серому цвету. Ниже представляем образец диаграммы цветосмешивания:

* Украинский Оранжевый. В выборах 2006 г. «вчерашний» кандидат Виктор Янукович съел прозападную фракцию на обед, выиграв самый большой блок мест в Раде (парламент Украины – *прим. переводчика*), и затем завладел правительством, разоблачив героя каждого неолиберала, помеченного оспой Виктора Ющенко как бесхребетного, коррумпированного дурака коим он и является.

* Киргизский Желтый. Прошлогодня «Тюльпановая революция» начала смотреться плохо с того момента, когда дикии из провинции Ош пересилили НПОшных типов. Но в этом году этот желтый цвет увяз до сего. Уклон президента Бакаева к России превратился в лавину, с требованиями к США платить все больше за их авиабазу Манас, а теперь ешё с требованиями, чтобы США выдало недотёпу, который завалил киргизского водителя грузовика. Бакаев также восторженно продвигает Киргизстан в антизападный шанхайский договор о сотрудничестве, вместе с другой страной, по имени:

* Узбекистан. Революция в этой старой добреей центральноазиатской стране даже не успела приобрести цвет, пока президент Каримов не покрасил все сперва в очень глубокий пунцовый красный цвет (с кусочками розового), и затем, после кровопролития, в очень пророссийский серый. Действительно, Каримов, который до прошлого года был наилучшим приятелем Америки в целом авторитарном мире, с тех пор закрыл американскую базу, вышвырнул весь их спецназ, шпионов и НГО и присоединился к Шанхайской пятёрке. Что прикольно в этой искусной переориентации, так это то, что даже после резни в Андижане, администрация Буша попытала её затушевать и представить всё так, как будто ничего особо плохого не случилось. Но Каримов словил цветной намек, и это стало последней каплей: чао, Запад!

* Грузия. Эта страна больше не пахнет розами, с тех пор как Россия отгрузила назад всех грузинских гастарбайтеров, запретила грузинские вина и минеральную воду и поддержала желающие отделиться республики Южная Осетия и Абхазия, гарантировав, что эти конфликты надолго останутся замороженными и серыми цветом. Результат? Никакого НАТО, никакого Евросоюза, и в действительности вообще ничего.

Оценка: 5 с минусом. Россия получила от Запада три страны в своём близком зарубежье и надавала оплеух четвертой.

Перевод М.Чернышева

5.7 Критика выбора переводческих решений

Следующая пара параллелей взята из весьма прозаической сферы переводческой деятельности (инструкция). Сопоставьте грамматическое оформление, лексический выбор, стилистику текста, невербалику (параграфемику), выдержанность жанра и т.п. в двух представленных ниже вариантах перевода. Горизонтальные линии добавлены для удобства сопоставления, в оригинале они отсутствуют. Обратитесь также и к дополнительным материалам перевода инструкций.

Operating Instructions	Инструкция
Safety and cleaning instructions for chocolate fondue set	Правила по технике безопасности и очищению набора фондю для шоколада
Dear Customer, These brief instructions should help you maintain the product in its existing quality for many years and help you get the best possible use out of it. The recipe should help you get started. We are sure you'll be making up your own sweet variations in no time.	Уважаемый Покупатель! Следуя этой инструкции по эксплуатации, Вы сможете продлить срок пользования нашего набора фондю и сохранить его качество, а также научиться обращаться с шоколадным фондю. Наш рецепт обеспечит Вам хороший старт в мир фондю, и мы уверены, что очень скоро Вы найдете свои собственные варианты приготовления сладких угощений.
Assembly To make packaging easy, some parts may have been disassembled and will require assembling before first use. Make sure all the parts fit properly and are tightly screwed together. Make sure the heater is stable.	Сборка и подготовка к эксплуатации Для удобства транспортировки фондю разобрано на несколько частей. При сборке обратите особое внимание, чтобы все части фондю были правильно и тщательно собраны. Убедитесь, что подставка для нагрева стablyно стоит на столе.
Please note Before using the device, clean the bowl, plate and forks thoroughly in hot water. Only use the ceramic bowl on the heater with a tea light. This bowl is not suitable for heating chocolate on the hob. Make sure the fondue set is on a firm, even surface. Never allow children to use the fondue unsu-	Указания по эксплуатации Перед первым использованием хорошо промойте в горячей воде ковш, тарелки и вилочки. Керамический ковш используйте только на подставке для нагрева чайной свечкой. Данный ковш не подходит для согревания шоколада на обычной плите. Убедитесь, что подставка для нагрева

pervised.	<p>стабильно установлена на столе. Не разрешайте детям использовать набор без присутствия взрослых.</p>
<p>Recipe</p> <p>Ingredients for 4-6 people:</p> <p>250 g cream or full-fat milk 200 g cooking chocolate 200 g milk chocolate biscuits to taste</p> <p>Approx. 200 g fruit per person (apples, pears, grapes, kiwi fruit, bananas, pineapple, strawberries – whatever you prefer)</p> <p>Heat the cream or milk in a pan on the hob (do not allow to boil). Break the chocolate into small pieces, add to the milk and allow to melt on a gentle heat. Stir all the time. You can make the mixture thinner by adding more cream or milk. Cut the fruit into small, bite-sized pieces and arrange decoratively on a plate. Cut up the biscuits and put them in a bowl.</p> <p>Place the fondue on a table, light the tea light and pour the chocolate sauce into the ceramic bowl. Spear the fruit or biscuits on the fork and simply dip into the chocolate sauce.</p> <p>A real chocolate experience for adults and children alike.</p> <p>A shot of cognac, rum or Amarefto (4-6 cl) turns it into a delicious dessert for grown-ups. All it takes is a little imagination to develop your own delicious creations. Just give it a go!</p> <p>We hope you enjoy using your chocolate fondue set.</p>	<p>Рецепт</p> <p>Ингредиенты для 4-6 человек:</p> <p>250 гр сливок или цельного молока 250 гр горького шоколада 200 гр молочного шоколада Бисквитное печенье</p> <p>Приблизительно 200 гр фруктов на одного человека (яблоки, груши, виноград, киви, бананы, ананас, клубника – все, что Вам нравится)</p> <p>Сливки или молоко нагреть на плите, не доводя до кипения. Шоколад раздробите на маленькие кусочки, добавьте в молоко и растопите на небольшом огне, постоянно помешивая. Слишком густую смесь можно разбавить молоком. Фрукты порезать и уложить на блюдо. Печенье тоже порезать на кусочки. Подставку для нагрева установить на столе, зажечь чайную свечку и влить шоколадный соус в керамический ковш. Фрукты или печенье накалывайте на вилочку и, обмакивая в шоколадный соус, наслаждайтесь лакомством. Настоящее шоколадное удовольствие для всех поколений.</p> <p>Немного коньяка, рома или амаретто (4-6 cl) превратит шоколадный соус в изысканный десерт для взрослых.</p> <p>Немного фантазии и Вы создадите свои собственные кулинарные шедевры. Просто попробуйте!</p> <p>Приятного аппетита!</p>

ЛИТЕРАТУРА ПО КУРСУ

- Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1971. – 386 с.
- Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В.Бондарко. – Л. : Наука, 1983. – 228 с.
- Вопросы сопоставительной аспектологии / Отв. ред. Ю. С. Маслов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. – 196 с.
- Герценберг Л.Г. О методе сопоставительного изучения языков / Л.Г.Герценберг, Ж.М.Юсуфджанова // Теория языка, англистика, кельтология. – М. : Наука, 1976. – С.40-46.
- Даниленко В.П. Ономасиологическое направление в истории грамматики / В. П. Даниленко // Вопросы языкоznания. – 1988. – №3. – С. 108-131.
- Дебренн М. Французский язык в речевой практике русских. Межъязыковая девиатология / М. Дебренн. – Новосибирск : Новосиб. Гос.ун-т, 2006. – 386 с.
- Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – С. 264-389.
- Категория определенности/неопределенности в славянских и балканских языках. – М. : Наука, 1979. – 323 с.
- Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 216 с.
- Кашкин В. Б. Подходы к сходствам и различиям языков в истории языкоznания. Часть 1 / В. Б. Кашкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 1. – Проблемы философии языка и сопоставительной лингвистики. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 1999. – С. 4-31. – См. также Интернет-издание: (<http://tpl1999.narod.ru/kachkine1.htm>).
- Кашкин В. Б. Подходы к сходствам и различиям языков в истории языкоznания. Часть 2 / В. Б. Кашкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 2. – Язык и социальная среда. – Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. – С. 136-151. См. также Интернет-издание: (<http://tpl1999.narod.ru/WebTPL2000/kachkineTPL2000.htm>).
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении /Дж. Лакофф. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл.ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
- Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии / Ю. С. Маслов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. – 264 с.
- Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. – Л. : Наука, 1978. – 388 с.
- Степанов Ю. С. “Перфектный центр” в русском синтаксисе// Изв. АН СССР. – СЛЯ. – 1978. – Т. 3. – №4. – С. 344-353.

- Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 360 с.
- Сусов И. П. История языкоznания / И. П. Сусов. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2006. – 295 [9] с.
- Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л. : Наука, 1987. – 348 с.
- Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/Неопределенность. – СПб. : Наука, 1992. – 376 с.
- Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное / З. Я. Тураева. – М.: Высш. школа, 1979. – 219 с.
- Уорф Б. Л. Грамматические категории (1945) // Проблемы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С.44-60.
- Цурикова Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации / Л. В. Цурикова. – Воронеж : Воронежск. гос. ун-т, 2002. – 257 с.
- Шабес В. Я. Событие и текст / В. Я. Шабес. М. : Высш. школа, 1989. – 257 с.
- Эко У. Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки / У. Эко. – М. : Книжный дом «Университет», 2001. – 240 с.
- Эко У. Сказать почти то же самое: Опыты о переводе / У. Эко. – СПб. : Симпозиум, 2006. – 574 с.
- Электронный каталог научной библиотеки Воронежского государственного университета. – (<http://www.lib.vsu.ru/>).
- Социальные и гуманитарные науки. Лингвистика: Библиогр. База данных. 1986-2002 гг. / ИНИОН РАН. – М., 2003. – (CD-ROM).
- Delacroix H. *Le langage et la pensée* / H. Delacroix. – Paris : Librairie Félix Alcan, 1930 (1924). – 868 с.
- Guillaume G. *Le problème de l'article et sa solution dans la langue française* / G. Guillaume. – Paris: Hachette, 1919. – 414 с.
- Karcevskij S. *Du dualisme asymétrique du signe linguistique* / S. Karcevskij // *TCLP*, I. 1929. – С. 124-145.
- Kashkin V. B. Choice Factors in Translation / V. B. Kashkin / Target. – 10 :1. – Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 1998. – С. 95-111.
- Mental Representations of Grammatical Relations / Joan Bresnan, ed. – Cambridge, Mass.; L. : MIT Press, 1982. – 586 с.
- Østergaard F. The Progressive Aspect in Danish // Aspectology/ Th. Petterson, ed. Stockholm : Almqvist & Wiksell Intl., 1979. – С. 89-109.
- Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization / Ed. by E. Rosch and B. B. Lloyd. – Hillsdale, N.J. : Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1978. – С. 27-48.
- Language Invariants and Mental Operations / H. Seiler, G. Brettschneider, eds. – Tübingen : Gunter Narr Vg., 1985.

Seiler H. The Dimensional Model of Language Universals / H. Seiler // CILT 49. New Vistas in Grammar: Invariance and Variation / L. R. Waugh, S. Rudy, eds. / Amsterdam; Philadelphia : J.Benjamins, 1991. – C. 437-442.

Список источников примеров

- Берджесс Э. Заводной апельсин / Э. Бёрджесс / Пер. с англ. В. Бошняка. – Л. : Худож. лит., 1991. – 160 с.
- Берджесс Э. Заводной апельсин / Э. Бёрджесс / Пер. Е. Синельщикова. – (www.berdzhes.net.ru).
- Библия в переводах на 18 языках (23 перевода). – М. : МЦФ, 1996. – (CD-ROM).
- Дудин М. Все вместе. Переводы. Послания. Посвящения. Мастера художественного перевода. – М. : Советская Россия, 1980.
- Книга Песен. Из европейской лирики XIII-XX веков. – М. : Московский рабочий, 1986. – 640 с.
- Милн А. А. Винни-Пух = Winnie-the-Pooh / А. А. Милн. – М. : Радуга, 2003. – 448 с.
- Милн А. А. Винни-Пух / А. А. Милн / Пер. Б. Заходера. – М. : Радуга, 1991. – 356 с.
- Новые переводы сонетов Шекспира: подлинные тексты с параллельным переводом на русский язык / В. Шекспир; пер. с англ. С. И. Трухтанова. – М. : Астрель; АСТ, 2006.
- Пуришев Б. И. Хрестоматия по западноевропейской литературе. Эпоха Возрождения / Б. И. Пуришев. – Т. II. – М. : Высш. школа, 1962.
- Пушкин А. С. Сочинения в 3-х тт. / А.С.Пушкин. – М.: ГИХЛ, 1955.
- Уильям Шекспир. Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке 1976-1987. – М. : ВГИБЛ, 1989.
- Шекспир У. Гамлет. Избранные переводы: Сборник / Сост. А. Н. Горбунов. – М. : Радуга, 1985. – 640 с.
- Шекспир У. Сонеты / Пер. с англ. Р. Бадыгова. – М. : Водолей Publishers, 2005.
- Алекс Экслер. Дружелюбная пародия на роман «Чапаев и Пустота» Виктора Пелевина). – (<http://www.polkaknig.ru/>).
- Burgess A. A Clockwork Orange / A.Burgess – (www.berdzhes.net.ru).
- Dr. Ralf Hemmecke – Le Petit Prince – The Little Prince – July 2, 2006 – (<http://www.risc.uni-linz.ac.at/people/hemmecke/lprince/gen/Russian.html>).
- New Testament: Easy-to-Read Version / Trasl. From the Greek Text. – Fort Worth (Tx) : World Bible Translation Center, 1987. – 368 с.
- The Orthodox Study Bible. New Testament and Psalms. New King James Version. – Nashville, Tennessee : Thomas Nelson Publ., 1993. – XIV+846+208 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
ТЕМА 1. Основные принципы и направления сопоставительной лингвистики	5
1.1 Сопоставление языков в практической деятельности и в науке	5
1.2 Языковые контрасты и отрасли сопоставительного языкоznания ...	7
1.3 Методы сопоставительной лингвистики.....	11
ТЕМА 2. Контрастивная грамматика, типология и характерология	16
2.1 Универсалии как основание для сравнения языков.....	16
2.2 Единицы анализа в сопоставительной грамматике	19
2.3 Явная, скрытая и универсальная грамматика.....	23
2.4 Факторная модель грамматического действия и перевода	27
ТЕМА 3. Функциональная грамматическая типология	34
3.1 Универсальная категория перфектности и ее pragматическая мотивированность	34
3.2 Субъективные факторы выбора перфектной формы.....	35
3.3 Функциональная типология перфекта.....	38
ТЕМА 4. Сопоставительные исследования дискурса и текста	47
4.1 Артикльевые формы имени в тексте	47
4.2 Неопределенный артикль в стихотворном тексте.....	55
4.3 Функциональная типология неопределенного артикля	58
Приложение. Тексты для самостоятельного анализа	60
5.1 Параллельные тексты Священного писания	60
5.2 Параллельные тексты сказочного нарратива	68
5.3 Параллельные стихотворные переводы	71
5.4 Параллельные стихотворные переводы	73
5.5 Критика выбора переводческих решений.....	74
5.6 Критика выбора переводческих решений.....	76
5.7 Критика выбора переводческих решений.....	81
Литература по курсу	83

Учебное издание

Кашкин Вячеслав Борисович

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Учебное пособие для вузов

Редактор Т.Д.Бунина

